

Саша Фишер

Правда понимания не требует

16+

Саша Фишер

Правда понимания не требует

«Автор»

2021

Фишер С.

Правда понимания не требует / С. Фишер — «Автор», 2021

— В каком-то смысле жизнь похожа на шахматную партию, герр Шпатц. Была бы похожа. Если бы фигуры неожиданно начинали двигаться в другом направлении, в самый неподходящий момент меняли цвет, а на поле то и дело появлялись новые клетки... — А мы с вами какие фигуры, герр Крамм? — Лично мне всегда хотелось быть игроком. Но всякий раз получалось только в очередной раз ощутить себя пешкой. Продолжение романа "Честность свободна от страха".

© Фишер С., 2021

© Автор, 2021

Саша Фишер

Правда понимания не требует

Глава 1

Sehnsucht versteckt

Sich wie ein Insekt

Im Schlaf merkst du nicht

Dass es dich sticht

(Тоска прячется,

Словно насекомое,

Во сне ты не замечаешь,

Как она жалит тебя).

Sehnsucht – Rammstein

Лектор Виттельсбах остановился на пороге и подслеповато прищурился. Шпатц сложил газету и встал.

– А, герр Грессель! Я рад, что вы пришли! – герр Виттельсбах протянул Шпатцу руку, и тот с готовностью ее пожал. – Я только что приводил вашу работу в пример молодым студентам.

– Мне льстит ваша похвала, герр Виттельсбах, – Шпатц вежливо кивнул. – Но есть кое-какие моменты, которые я хотел бы обсудить в частном порядке. Я понимаю, что статус вольнослушателя не дает мне право на индивидуальную консультацию...

– О, не беспокойтесь, молодой человек! – Отто Виттельсбах был самым старым лектором в Стадшуле Билегебена. Месяц назад ему стукнуло девяносто три года, но ясности его суждений можно было только позавидовать. – Не в моих интересах ставить палки в колеса вашей карьере. Поэтому я и пригласил вас сегодня. Мне бы хотелось поговорить о вашем эссе о чистоте крови.

Взгляд прозрачных серых глаз лектора надолго задержался на лице Шпатца. Он почувствовал некоторое неудобство. Ему стало стыдно за ироничный тон резюме.

– Давайте пройдем в мой кабинет, герр Грессель, – лектор Виттельсбах направился к коридору, ведущему в правое крыло. Шпатц шел следом, не отрывая взгляд от трости, на которую опирался старик. Ходили слухи, что внутри этой самой трости спрятан клинок, что во время войны Виттельсбах был ранен, но все равно вернулся на фронт, и что этим же самым клинком седой преподаватель Стадшуле заколол не менее десятка вражеских офицеров, которых не хватило ума поверить, что калека может представлять собой хоть какую-то опасность.

Кабинет Виттельсбаха был похож на музей. На полках в стеклянных шкафах были аккуратно расставлены и разложены самые разные предметы – от образцов старинного оружия до вскрытых писем и вырезок из газет. Большая часть экспонатов на вид не представляла никакой исторической ценности – это были очки, блокноты, перьевые ручки и карандашницы, шелковые шарфы, модели автомобилей, искусственные цветы, перчатки... Как будто это были или предметы из лавки старьевщика, или «экспонаты» бюро находок в парке ластвагенов. Однако рядом с каждым предметом лежал листок с напечатанным на машинке текстом.

– Присаживайтесь, герр Грессель, – лектор пересек кабинет, ловко лавируя между стеллажей, шкафов и хрупких даже на вид этажерок. – Я хотел обсудить резюме вашей работы. Без лишнего, так сказать, ушей.

Сердце Шпатца ухнуло вниз. Несмотря на свое более, чем близкое знакомство с виссенами, Шпатц так и не смог заставить себя относиться серьезно к доктрине о чистоте крови. Весь ее текст был больше похож на набор пропагандных штампов, чем на серьезный научный труд. Шпатц вспомнил, как декламировал для Клод и Лейзе тринадцать обоснований необхо-

димости искоренения грязной крови, закутавшись в красный фланелевый халат и размахивая бокалом игристого вина, и его уши сразу запылали.

– Вам совершенно нечего стыдиться, герр Грессель, – Виттельсбах водрузил на нос очки, раскрыл лежавшую перед ним на столе картонную папку, пролистал несколько страниц, провел пальцем по строчкам. – Вот здесь вы пишете: «Я считаю доктрину о чистоте крови в некотором смысле полумерой. Будучи абсолютно согласным с ее автором, Карлом пакт Готтесанбиттерсдорфом, по всем пунктам, я удивлен, что он не пролонгировал свои выводы на все общество в целом, заиклившись только на виссенах и оставив без внимания врага не менее грозного – хронические и психические недуги. Как мы знаем, многие из них передаются по наследству...» Герр Грессель, как я понял, вы знакомы с доктором Готтесанбиттерсдорфом лично?

– В каком-то смысле, герр лектор, – Шпатц разжал пальцы, обнаружив, что уже почти проткнул ладонь ногтями. – Мы виделись дважды. В карантинной зоне «Гехольц», где он проводил тесты на грязную кровь. И месяц назад в поместье доктора Ледебура.

– Превосходно, герр Грессель, – холодные глаза лектора снова уставились в лицо Шпатца. – Я собираюсь написать ему письмо, с подробным описанием вашей идеи наследственного контроля.

– Что? – Шпатц был обескуражен. Он думал, что его ждет разнос за несерьезное отношение к заданию, за читающийся между строк сарказм и за возможные орфографические ошибки, потому что резюме он дописывал будучи в изрядном подпитии. «Виссены, ха! – сказала тогда Клод. – А я вот считаю, что они зря не искореняют толстых!» «Да! Да! – Лейзе захлопала в ладоши. – У толстых родителей всегда толстые дети! Наследственный дефект! Наметилося брюшко, и тебя тут же вызывают комиссию по контролю!» Про толстых Шпатц писать, разумеется, не стал. Но вот пошалить и добавить абсурдных прожектов насчет контроля рождаемости для хронических и психических больных не поленился.

– Особенно мне нравится, что ваше предложение включает в себя реформы социального института и возлагает ответственность... Сейчас подождите, я хочу прочитать... «Эта несложная реформа позволит на протяжении одного-двух поколений очистить наше общество от нездоровой наследственности. Таким образом, мы преподнесем в дар нашим потомкам чистое и сильное во всех смыслах государство», – Виттельсбах закрыл папку. – Герр Грессель, я знаю, что вы еще не закончили базовый курс Стадшуле и не готовы сдать экзамен для получения статуса эдлера. Сколько вам осталось еще?

– Эээ... – Шпатц задумался. – Два месяца, если я не ошибаюсь. И еще я хотел бы прослушать курс лектора Каттенера, о военной истории.

– Хорошо, – лектор кивнул каким-то своим мыслям. – Я знаю, что вы работаете, и у вас не так много свободного времени. Но я бы хотел лично заняться вашей подготовкой к экзаменам. Вы можете выделить мне два часа в неделю?

– Почту за честь, герр лектор.

– Отлично, превосходно, – Виттельсбах привстал, протягивая Шпатцу личную карточку. – Вот мой адрес и мой номер телефона.

Шпатц спустился с крыльца Стадшуле, облокотился на ствол росшего посреди двора векового платана и достал из кармана портсигар. Вдохнул дым, скривился. Курить Шпатцу все еще не нравилось, но этот разговор выбил его из колеи. До самого конца разговора ему казалось, что лектор с ним играет. Что вот сейчас его глаза превратятся в льдинки и вместо: «Ваша светлая голова – невероятно удачное приобретение для Шварцланда, герр Грессель» прозвучит: «Ты что о себе возомнил, щенок?! Как ты смеешь потешаться над серьезными вещами?!»

Уши Шпатца, едва успевшие остыть, вспыхнули снова. Он подавил смешок, вспомнив, как он, Клод и Лейзе хохотали, придумывая очередной пункт к доктрине о чистоте крови. Хорошо, что он был достаточно трезв, чтобы не вписать ни одну из тех непристойностей в свое эссе. Хорошо, что для него все обошлось без последствий. Шпатц снова затаился, проводил

взглядом стайку юных фройляйн в ярких платьях. Они цокали каблучками по брусчатке и громко спорили о способах провести свободное время после уроков. Докурив, Шпатц потушил сигарету о подошву ботинка и направился к мобиле.

Водить мобиль Шпатцу и нравилось, и нет. Посадить его за руль было идеей герра Крамма, и вот уже месяц детектив заставлял Шпатца как можно чаще выезжать в город самостоятельно. Даже в тех случаях, когда пешком было бы быстрее. Вот и сейчас: пешком от Стадшуле до конторы идти от силы десять минут, а на мобиле Шпатц доедет хорошо если за полчаса. Впрочем, Шпатц не жаловался. С каждым разом поездка на мобиле доставляла ему все меньше неудобств и все больше удовольствия.

– Герр Шпатц, хорошо, что ты здесь! – Крамм открыл дверь как раз в тот момент, когда Шпатц устроился за своим столом, чтобы дочитать газету. – У нас есть дело, и главную партию в этот раз придется играть тебе.

– Я весь внимание, герр Крамм! – Шпатц снова сложил газету, посетовав мысленно, что уже в третий раз не может дочитать до конца статью о старте экспедиции Адлера штамм Фогельзанга.

– Давай поговорим в моем кабинете. Чайник горячий?

– Разумеется, герр Крамм.

Крамм вытянул из-под своего стола тяжелую картонную коробку и подтащил к ней стул. Шпатц заварил чай и устроился на диване.

– Значит так, герр Шпатц, дело нам на этот раз предстоит невероятно секретное, – Крамм кинул на свой стол несколько картонных папок и продолжил копаться в коробке. – В каком-то смысле нашим работодателем выступает весь Шварцланд.

– Вы сейчас шутите, герр Крамм? – Шпатц внимательно разглядывал лицо своего начальника, на котором, разумеется, не было и тени улыбки. Как всегда, когда он шутил.

– И да, и нет, – Крамм поднялся со стула и пересел в свое кресло. – Мой приятель, герр Ульрих Фуггер, пригласил меня сегодня выпить пива и поболтать, пока ты был в Стадшуле.

– Тот самый, который занимается строительством новых верфей люфтшиффбау?

– Да, именно он, – Крамм отхлебнул свой чай. – И он несколько обеспокоен положением дел. С недавних пор рабочие взяли моду самоорганизовываться в профсоюзы, чтобы защищать свои права. Это чрезвычайно вредное веяние, но приходится с ним мириться. Но закавыка не в этом. Мой приятель подозревает, что на вверенном ему участке строительства ведется последовательная подрывная деятельность.

– И на чем основано его подозрение?

– Пока что только на чутье, герр Шпатц, – Крамм усмехнулся. – Если бы у него были хоть какие-то доказательства, то он пошел бы не ко мне.

– Я пока не вижу своей партии.

– Дело в том, что герр Фуггер никогда не был ни паникером, ни параноиком. И лично для меня его чутье – это вполне достаточный аргумент для начала расследования. Так что на свой страх и риск я предложил ему свои услуги. Без положенного гонорара. Из чувства патриотизма.

– Я понимаю, герр Крамм, – Шпатц хотел улыбнуться, но не стал. – В случае предотвращения диверсии, государство оценит наши заслуги по достоинству.

– Может быть да, а может быть нет, – Крамм сцепил руки в замок. – Я бы не стал что-либо предсказывать. Поэтому давай обсудим наши действия.

– Я все еще весь внимание, герр Крамм. И изнываю от любопытства, в чем же мне предстоит играть главную партию.

– Мы устроим тебя работать, герр Шпатц, – Крамм вскочил, взял с примуса чайник и долил в свою чашку кипятка. – В качестве простого рабочего. Твоей задачей будет впутаться в как можно большее количество темных делишек, которые творятся на самом дне люфтшиффбау. Вступить в профсоюз, жаловаться на жизнь и развесить уши. Мы же с Ульрихом займемся

расследованием со своей стороны. Он уверен, что все разрушительные инициативы исходят откуда-то снизу, но это вовсе не значит, что пока ты будешь пить шнапс с работягами и ныть о своих бедах дирекции профсоюза, мы будем сидеть, сложа руки, в ожидании твоих отчетов.

– Интересная задача, герр Крамм.

– Я знал, что тебе понравится. Вот эту коробку герр Фуггер мне вручил с собой, когда мы расстались. Тут личные дела всех мало-мальски заметных сотрудников, а также разрозненные документы на всех недавно пришедших. Много домыслов про деятельность профсоюза, но по словам герра Фуггера, свои секреты эта босаяцкая корпорация хранит лучше департамента по контролю. Я выбрал себе несколько случайных папок, теперь твоя очередь.

Шпатц вернулся домой, когда было уже темно. Перед глазами все еще мелькали многочисленные докладные записки, «спешу довести до вашего сведения», «безупречный рабочий послужной список» и «в силу непредвиденных обстоятельств». Такого количества бесполезных и сваленных в хаотичную кучу документов Шпатцу не приходилось разбирать ни разу в жизни. Как сказал Крамм: «Делами разнорабочих никогда никто всерьез не занимался, сегодня одни – завтра другие, никто не хотел тратить на это свое время». И с послезавтрашнего утра на месте одного из таких вот невидимок Шпатцу и предстоит оказаться.

Несомненным плюсом новой квартиры было ее расположение – практически через площадь от конторы. Больше не было необходимости рано вставать, чтобы тащиться через весь город. Шпатц с удовольствием задернул шторы и включил свет. Несомненным минусом нового жилья был размер – каморка под самой крышей дома аанерсгросской постройки. Фактически, это была одна комната, большую часть которой занимала кровать, а в роли шкафа выступали антресоли под скатом крыши. Шпатц снял пиджак и повесил его на спинку стула, чуть ли не единственного предмета мебели, кроме кровати. На полноценный стол в комнате места уже не хватило.

Шпатц послушал, как первые капли дождя застучали по крыше, с удовольствием растянулся на кровати и в третий раз за день раскрыл газету. На первой полосе крупным планом была размещена фотография его кузена, блистательного и героического Адлера штамм Фогельзанга. Фотограф запечатлел вдохновителя полярной экспедиции в «непарадном» виде – в комбинезоне механика. Летный шлем сдвинут на затылок, а правая щека смеющегося лица измазана сажей.

В статье сообщалось, что экспедиция проходит по графику. И что уже завтра (то есть сегодня) вечером люфтшифф «Кальтесхерц» войдет в полярные области Сеймсвилля. Кроме того, перечислялись гости, присутствовавшие на торжественном приеме в столице Сеймсвилля. На одной из фотографий Шпатц заметил тонкое лицо в очках – Зепп пакт Ледебур. Обычно он предпочитал обходить стороной все публичные мероприятия, но дипломатическое положение обязывало, так что доктору пришлось унять свою необщительность.

Доктор оказался для Шпатца одной большой загадкой. С того самого момента, как он пришел в себя на операционном столе и увидел над собой его почти мальчишеское лицо, и до настоящего времени. На вид Ледебур смотрелся субтильным и бледным заморышем. В те моменты, когда он увлеченно копался в чьих-нибудь внутренностях, сдувая с кончика тонкого носа капли пота и закусывая нижнюю губу, он выглядел еще младше. Как подросток. Однако уверенность, с которой он орудовал скальпелем, ланцетом и прочими блестящими хирургическими инструментами, заставляли усомниться в первоначальной оценке его возраста.

На самом же деле Зеппу пакт Ледебуру было сорок семь. Узнал это Шпатц, когда не выдержал и напрямую спросил доктора о возрасте. Правда в тот момент он не осознавал, что имеет дело с тем самым Ледебуром. События после ранения превратились в его голове в спутанный ком. Он отчетливо помнил холодные темные глаза Сигилд, когда она дважды нажала на спусковой крючок, а все последующее превратилось в кашу. Он приходил в себя от свиста ветра в ушах, потом проваливался в темное забытие, потом множество рук перекладывали его

как куклу на носилки в темноте, освещенной только мечущимися лучами фонарей. В какой-то момент ему показалось, что над его телом склонился он же сам, сдвинув на затылок маску хищной птицы... По словам Ледебура, он провалялся в горячке всего три дня. И доктор-мальчишка был первым, кого он увидел, когда очнулся.

– У вас невероятная жажда жизни, герр Шпатц, – заявил он, поднявшись с кресла рядом с кроватью. – Когда вас довели до моей операционной, я был уверен, что вы не жилец. И если бы Адлер меня не попросил, я бы не взялся за операцию.

Шпатц сложил газету. Три месяца назад он был уверен, что умрет. И в тот момент, когда взбешенная Сигилд стреляла в него из тяжелого армейского пистолета, и когда Крамм и Адлер штамм Фогельзанг пристегивали его безвольное тело к креслу флюг-фогеля, и когда он увидел над собой юное лицо своего доктора. Он просто тогда не знал как выглядит самый гениальный и самый сумасшедший врач Вейсланда и Шварцланда.

Пронзительный звонок будильника вырвал его из ласковых объятий сна. Шпатц потер глаза, отдернул штору и выглянул в окно. Прошедший ночью дождь оставил на брусчатке лужи, рядом с неработающим фонтаном три кумушки с корзинами обсуждали свои всегдашние утренние дела, дворник деловито шаркал метлой, покрикивая на двух мальчишек, сгребавших мусор в ведро. Рядом с конторой стоял мобиль Крамма, что означало, что его начальник уже приехал. Шпатц поднялся и стал торопливо одеваться.

Заведение называлось «Три кошки и собака», выбор на него пал совершенно случайно. Сначала Крамм придирчиво осмотрел весь небогатый гардероб Шпатца и решил, что для работы он совершенно не подходит. Поэтому они отправились на рынок старьевщиков в Альтштадт. Пешком, потому что даже на таком крохотном мобиле, как у Крамма, не по всяким улицам старого города можно было проехать. Вернулись, нагруженные свертками, бросили все это в конторе и помчались в центр Билегебена на встречу с Ульрихом Фуггером. Который оказался человеком разговорчивым, так что за три часа беседы они успели проголодаться. И чтобы никуда больше не торопиться, они просто выбрали первое попавшееся заведение, обещавшее накормить горячим обедом, и устроились за первым же освободившимся столиком.

– Я забыл вчера спросить, герр Крамм, – Шпатц отодвинул от себя пустую тарелку. – Почему наше дело секретное? Судя по документам, люфтшиффбау Билегебена занимается производством транспортных и пассажирских люфтшиффов, что там может быть тайного, обычное серийное производство...

– Боюсь, что все не так просто, герр Шпатц, – Крамм огляделся, проверяя, не проявляет ли кто-нибудь повышенный интерес к их столику. – Больше нет. Последние четыре месяца серийные чертежи поменялись, и ни одного гражданского люфтшиффа на наших верфях построено не было. За исключением рейдера Фогельзанга. Но рабочие об этом не подозревают, разумеется.

– Я бы не сказал, что это неожиданный поворот, – Шпатц поковырял вилкой аппетитную мешанину из мяса и овощей. – Слухи о грядущей войне уже настолько громкие, что не очень-то похожи на слухи.

Крамм задумчиво погладил кошку, запрыгнувшую на соседний стул. Мурлык в заведении действительно оказалось три. Они бродили между столиками и очевидно считали себя хозяевами.

– Война... – Рыжая кошка перебралась на колени Крамма. – К стыду своему, до разговора с Фуггером, я тешил себя надеждой, что она не более, чем треп скучающих обывателей. Впрочем, мое отношение ни на что особенно не влияет. Но в любых делах, которые касаются армии, действуют определенные правила. Герр Шпатц, дайте слово, что все, что вы узнаете на люфтшиффбау, вы будете обсуждать только со мной.

– Обещаю, герр Крамм.

Мозер поставил на стол опустевшую наполовину кружку и расплылся в довольной улыбке.

– Весь день об этом мечтал сегодня. Пустой день. Преотвратный. А у тебя что новенького, Шпатц?

– Карл, ты же знаешь, что я не имею права рассказывать, – Шпатц откинулся на спинку стула. Крамм пытался заставить Шпатца еще покопаться в бумагах с люфтшиффбау, но он наотрез отказался, сославшись на срочное предписание инспектора Боденгаузена. Заглянул на удачу к Мозеру, предложил тому прогуляться до пивной, а Нойхоффа приятели нашли уже там. Мрачного, как туча, и допивающего уже третью кружку пива.

– Да брось, знаем мы твои секретные дела! – Нойхофф захохотал, взмахнув рукой. Его форменная фуражка упала под стол и выкатилась на середину зала. Грузноватый Нойхофф сконфуженно слез с высокого стула.

– Тогда поклянитесь, что никому не разболтаете, а то мне герр Крамм голову отгрызет, – Шпатц разломил соленый брецель пополам.

Оба приятеля издали неразборчивые звуки, заверяющие в несомненной их надежности в качестве хранителей секретной информации. Шпатц подмигнул фройляйн официантке, делающей вид, что она занята чем-то чрезвычайно важным рядом с их столиком. Она потупила глаза.

– Так вот, история. Один обеспеченный эдлер подозревал во всяком разном свою новую горничную. Что любовников в хозяйскую спальню водит, напитки из бара подворовывает и прочее по мелочи. И герр Крамм, по своей всегдашней привычке мне и говорит: «Шпатц, давай-ка мы тебя переоденем и представим как племянника важного герра. Приехал из другого города на недельку по делам. Важный герр привел меня домой, поселил в комнату для гостей и представил своим домашним. А из домашних у него жена и дочка. Мы чинно поужинали, а утром все трое разошлись по своим делам.

Шпатц допил пиво и сделал официантке знак повторить. Подождал, когда любопытная фройляйн вернется, и продолжил:

– Сажу в своей комнате, как мышь. Прислушиваюсь, как горничная шуршит по дому своей метелкой для пыли. Тут открывается входная дверь и фрау хозяйка командует горничной сходить в магазин. Я пожал плечами, мало ли, обычные бытовые дела... Горничная уходит, а на пороге моей комнаты появляется хозяйка. В кружевном пеньюаре и в чулках. И томно так предлагает разделить с ней бокал вина, потому что дама скучает.

Нойхофф подался вперед, Мозер постучал по кружке, привлекая внимание заслушавшейся официантки. Фройляйн торопливо процокала каблуками к пивной бочке и обратно.

– А она как вообще, сочная фрау? – спросил Мозер, описывая руками в воздухе пару выразительных дуг.

– Не то слово, Карл! – Шпатц отвлекся на глоток пива. – С вашего позволения, как человек воспитанный, я воздержусь от подробностей, но когда горничная вернулась, а хозяйка, переодевшись в приличное платье, снова ушла по своим делам, я мог с уверенностью сделать вывод, что любовников в хозяйскую спальню водит вовсе не прислуга.

– Завидую я тебе, герр Шпатц, – Нойхофф снова взмахнул рукой, но вовремя поймал чуть не упавшую фуражку. – Интересная у тебя жизнь!

– Подождите, герр оберфельдфебель, я еще не закончил. До вечера было еще далеко!

– Ты не дожدهшься, чтобы я застрелился от зависти, герр секретарь детектива! – Нойхофф приосанился. Его щеки покраснелись, от давешней мрачности не осталось и следа.

– Вторая часть истории. Сажу в кресле, мучаюсь совестью. Обдумываю, как бы объяснить герру Крамму, что произошло, и почему его секретарь посмел себя так вольно вести с благовоспитанной фрау. И тут открывается дверь. На этот раз вернулась юная фройляйн, которая

должна быть в гимназии. И тоже отправила горничную с каким-то поручением прочь из дома. Открывается дверь...

– Да ладно, не может быть! – Мозер грохнул кружкой по столу.

– А уж как я удивился! – Шпатц захохотал. – Стоит моя прекрасная фройляйн, в руках бутылка шерри и два стакана. «Наконец-то в этом доме появился кто-то, с кем можно выпить!» – говорит. Я делаю поползновение в сторону столовой, но она тащит меня в хозяйскую спальню. Романтично и волнительно ей, видите ли. Здесь я опять ненадолго умолкну, чтобы вы могли самостоятельно додумать, что там между нами произошло.

– А эта фройляйн... она тоже... того... этого? – Нойхофф сально захохотал, жестами показав контуры внушительных женских прелестей. У топтавшейся рядом официантки покраснели кончики ушей.

– Чуть меньше, чем у фройляйн за твоей спиной, но тоже ничего, – доверительно прошептал Шпатц. Все трое захохотали.

– И что же сказал на это герр Крамм?

– Ой, не спрашивайте! – Шпатц надолго приложился к кружке, вытер ладонью губы и сунул в рот кусочек брецеля. – Страшнее всего было вечером. Вы только представьте мое положение – ужин, вся семья в сборе, важный герр сидит во главе стола и чинно поглощает жареные колбаски, закусывая их тушеной капустой. С одной стороны мою ногу гладит фрау хозяйка, а в другой – шаловливые пальцы ее дочки. И в голове – ни одной мысли о том, как бы деликатно сообщить хозяину, кто на самом деле приворовывает из его бара и мнет его постель.

Шпатц с довольным видом откинулся на низкую спинку стула. Хороший получился вечер. И ребята отличные. Когда Боденгаузен чуть ли не в приказном порядке выдал ему список подходящих для респектабельной дружбы людей, ему очень долго не хотелось выполнять это указание. Но так уж получилось, что когда он метался в горячке в поместье Ледебур и пришел ненадолго в себя, то пообещал, что если выживет, то выполнит все, что советовал герр инспектор – и запишется на курсы в Стадшуле, и нанесет визиты всем одобренным департаментом по контролю друзьям, и что угодно еще.

К его немалому удивлению, учеба оказалась не такой уж и тягостью, а респектабельные друзья вовсе не выглядели ни строгими надсмотрщиками, ни скучными типами. Вот и сейчас, потратив много часов подряд на копание в как попало собранной куче бумаг, Шпатц прямо-таки чувствовал как отдыхает душой. Отличные ребята, неплохое пиво, ну и забавная история пригодилась. Если не называть имен, конечно. И не вспоминать, как они выкручивались из этой ситуации, чтобы не сообщать герру Зигхардингу подробности следствия. Так что будет лучше, если респектабельные друзья решат, что он все придумал.

– ...на самом деле никакого города там нет, это просто повод! – Мозер повернулся к Шпатцу. – А ты что думаешь?

– Эээ... – Шпатц понял, что пока он размышлял о радостях жизни, разговор сместился с обсуждения женских прелестей на актуальный вопрос про настоящие цели экспедиции Фогельзанга. – Ты забываешь, что я здесь все-таки недавно, и пока у меня не может быть мнения на этот счет. Так что лучше скажи, что сам думаешь.

– Полярные области Сеймсвилля же! – Нойхофф нахлобучил на голову фуражку. – Король их никак не использует, а нам нужны места под базы подводных лодок. Так что, очевидно, что это обычная разведка.

– Мне тоже кажется, что кайзер готовится к войне, – сказал Мозер. – И это прекрасно! Давайте за это выпьем!

– Ты думаешь, что война – это хорошо? – сказал Шпатц.

– В самой по себе войне нет ничего хорошего, конечно, – Нойхофф поморщился. – Но население от нее только выиграет.

– Ты сеймсвилльцев имеешь в виду?

– Ну да, мы и так живем неплохо, – Мозер окликнул официантку, которая потеряла интерес к их столику, когда разговор перестал касаться личной жизни. – Вот сам подумай, ты же оттуда родом. Сейчас там нет ни нормальных дорог, ни бесплатного и доступного образования, ни возможности сделать карьеру, если ты не аристократ. А когда Сеймсвилль станет частью Шварцланда, то кайзер сразу возьмет эти земли под свое крыло и наведет там порядок.

– Но в какую цену это для них обойдется? – Шпатц уперся подбородком в сцепленные в замок руки. Этот разговор происходил уже не впервые.

– Ой, оставь эти пропагандные глупости! Мирное население специально никто не убивает, так, допустимые потери. Да и то из-за того, что оно опирается на замшелые представления о традициях и памяти поколений. А что такое эти традиции? Жить в хлеву, чтобы король мог спокойно купаться в роскоши, не думая о том, что ты будешь кушать на ужин?

– Да-да, традиции. Просто испокон веков в Сеймсвилле принято, что после дождя улицы должны тонуть в говне, – Нойхофф хохотнул. – Замшелые старые государства – это гири на ногах у человечества. Ведь что нужно, чтобы появлялись отличные врачи и гениальные инженеры? Чтобы личинки этих гениев нормально питались. Хорошие специалисты в нищете не рождаются.

– Не скажи, герр Нойхофф! – Шпатц посмотрел на свою опустевшую кружку. – Талант находит себе дорогу, если он настоящий!

– Вот только зачем ему искусственно возводить препятствия? – возразил Мозер. – Тут ведь как... Гений может и вылезет из своего хлева, дойдет до столицы пешком и покажет всем, что он гений. Но ведь чтобы работали заводы и фабрики, нужны не только гении! Нужны обычные инженеры. Чтобы лечить людей, нужны обычные врачи. А чтобы всех их обучить, нужны обычные учителя. А для обычных специалистов нужна соответствующая среда. Кайзер показал, что при правильном подходе разруха преодолевается за несколько лет. Если расстрелять засевших и кормушки воров и бездельников и заставить всех остальных работать. И Шварцланд тому подтверждение! – Мозер обвел вокруг себя кружкой, как бы призывая восхититься красотами своей страны. – Я родился в Аанерсгроссе. Здесь, в Билегебене. Только назывался он тогда по-другому.

Шпатц нахмурился. В чем-то его приятели были, несомненно, правы. Но его все еще пугало столь вольное рассуждение о войне, как о благе для той страны, в которой он родился и вырос. Пока никто не говорил напрямую, когда именно двинутся в сторону границы бронированные боевые машины, и взмоют в небеса армады люфтваффе с тоннами бомб на борту, но для всех было очевидно, что это вопрос, ну, может быть, года. И безмятежность, с которой эту тему обсуждали те же Клод и Лейзе, его удивляла. В их представлении другая сторона вовсе не была врагом. Для них жители Сеймсвилля и король Сеймсвилля как будто существовали по отдельности. «Просто этот король дурак, раз допустит войну и заставит мирных жителей прикрывать свою коронованную жопу!» – безапелляционно заявила Клод.

– Вообще, конечно, пока никто и не говорит о войне, – вдруг спохватился Нойхофф. – Но вот чисто гипотетически... Король некоего государства, допустим того же Сеймсвилля, он же не слепой, так? У него есть посольство, дипломаты, да шпионы в конце концов! Он видит, что здесь происходит. И вместо того, чтобы перенимать наш опыт и проводить реформы, делает что?

– Что? – Шпатц увидел, что его кружка снова полна.

– Ничего! – Нойхофф развел руками. – Сидит в своем дворце, придворных дам потрахирует. И вот как себя вести нашему кайзеру, если он точно знает, как сделать жизнь в мире лучше? Ждать, пока этот идиот сам умрет, подхватив от очередной шлюшки непристойную болезнь?

– У него королева...

– Ну хорошо, выхватив нож в печень от королевы, я вроде даже читал, что она крутая на поворотах фрау! – лицо Нойхоффа снова покраснелось. Он стукнул кулаком по столу, кружки жалобно звякнули. – У кайзера тоже есть глаза и уши. И он видит, как много талантливых людей рождается в этом вашем Сеймсвилле. Как богаты его недра, которые король никак не использует. Северное побережье, опять же. Заброшенное на произвол судьбы, хотя можно было бы... Эх, да что там! Я буду рад, если война начнется как можно скорее. Раньше начнется, раньше закончится. Но что она неизбежна, и это в наших общих интересах – это очевидно.

– А если там все-таки есть заброшенный город? – Шпатц решил как-то свернуть со скользкой темы. На войну ему пока что не хотелось совершенно. Даже на несущую одно сплошное благо, процветание и карьерный рост. Понятно было, почему Нойхофф радуется, война для него – это короткий путь вверх. Способ получить заслуженные награды и звание повыше. А вот ему, Шпатцу, вряд ли во время боевых действий придется выслеживать горничных, приворачивающих алкоголь из бара хозяев...

– Одно другому не мешает, между прочим, – авторитетно заявил Мозер. – Там и правда могут быть какие-то руины, я читал пару статей авторитетных историков, утверждающих, что политическая картина мира полтысячи лет назад была совершенно иной. Адлер штатм Фогельзанг – талантливый парень, энтузиаст и умница. И может позволить себе каприз поискать во льдах развалины. Что никак не мешает настоящей цели.

– Я, кстати, слышал, что этот гипотетический город, который они там ищут, на самом деле виссенский, – сказал Нойхофф. – И что когда-то там было их гнездо, которое выжгли чуть ли не другие же виссены.

– Да ну, это фантазии все! Нет и не было у виссенов никаких городов, – Мозер махнул рукой. Фуражка упала с головы Нойхоффа и покатила под ноги официантки. Нойхофф сконфуженно улыбнулся. – Как и чушь насчет нового оружия, которое Фогельзанг погрузил на свой люфтвафф, чтобы где-то во льдах провести испытания.

– Почему это чушь? – Нойхофф взял свою фуражку из рук фройляйн и рассеянно кивнул. – Лектор Рапотонен весьма убедительно излагал историю, по которой выходило, что у виссенов могли быть города в прошлом. И что именно виссены и привели человечество к разрушительной войне, следы которой, эти самые разрушенные города, наши историки до сих пор и находят в самых неожиданных местах...

– Рапотонену бы сказки для детей писать, – Мозер насупился и уткнулся носом в свою кружку.

– Рапотонен? – спросил Шпатц. – А кто это?

– Фриц Рапотонен, лектор Стадшуле, – сказал Нойхофф.

– Он не лектор, – возразил Мозер. – Просто Стадшуле из уважения к его былым заслугам позволяет ему выступать в одной из аудиторий. Герр Шпатц, давай лучше я расскажу. Он историк и путешественник. Был дружен с безумевшим после полярной экспедиции Геллертом пакт Ауфзесом. И тоже немного двинулся рассудком. Бросил жену, нашел себе пассию-окультистку и начал всем рассказывать про настоящую историю виссенов и заброшенные города. Если интересно, можешь записаться на его лекции, кажется, он все еще вещает по пятницам.

– Я бы послушал, – Ауфзес... Воспоминания о вечере танцев и желчной старухе Уне, которая так и не успела ничего рассказать, даже заставили его немного протрезветь. Рука потянулась за блокнотом, чтобы не забыть фамилию, но он сдержался. Рапотонен. Рапотонен. Записаться на лекцию к Рапотонену.

– Надеюсь, он не запудрит тебе мозги, как герру Нойхоффу! – Мозер расхохотался.

– Не волнуйся, Карл, я просто любопытный, – Шпатц замолчал и уставился в свою кружку. Приятели были не в курсе о его родстве с Фогельзангом. И он не спешил обсуждать с ними эту тему. В конце концов, это его личное дело. Адлер, выслушав, почему он не торопится

представиться своим кровным родственникам, принял аргументы как должное и счел весомыми и достаточными, чтобы не настаивать. Его кузен вообще оказался неплохим парнем...

– Шпатц, я заметил, что ты как-то морщишься, когда мы говорим о войне. Ты воевал? – вдруг спросил Нойхофф.

– Не на передовой, но да, – Шпатц кивнул. – Небольшой внутренний конфликт в Сеймвилле.

– Тогда понятно, – Мозер похлопал Шпатца по плечу. – Ты же у нас человек мирной профессии. Не переживай, на нашей стороне войны не будет, а искать пропавших собачек и следить за неверными женами всегда будет нужно.

– Извините, мы скоро закрываемся, – официантка коснулась плеча Шпатца. – Приходите завтра, мы по пятницам работаем всю ночь...

– Звучит заманчиво, фройляйн, – Шпатц подмигнул и встал со своего стула.

Шпатц решил прогуляться до дома пешком. Дождь прекратился, улицы Билегебена в поздний час были пусты. После выпитого пива в голове слегка шумело. Он даже задумался, не вернуться ли обратно к пивной и не подождать ли симпатичную фройляйн официантку, строившую ему глазки весь вечер. Улыбнулся мечтательно, но решил, что как-нибудь потом. Тем более, что завтра утром будильник разбудит его в несусветную рань, и ему придется тащиться на край города до ангаров и эллингов люфтшиффбау в ластвагене под видом простого работника.

Он остановился у фонтана и присел на раскрошившийся бортик. Потянулся в карман за портсигаром, посмотрел на него в задумчивости и сунул обратно в карман. Из пяти фонарей, обычно освещающих площадь, светило всего два. Где-то в глубине одной из улочек Альтштадта три голоса нескладно пели песню. Шпатц прислушался, но слов не разобрал. Пожал плечами и снова достал портсигар. Домой идти все еще не хотелось, хотя было уже поздно, и завтра предстоял тяжелый день. А возможно, не хотелось именно поэтому. Стоило лечь в кровать и закрыть глаза, как через мгновение затрезвонит будильник, наступит хмурое утро, возможно даже с дождем, и ему придется натягивать на себя штаны, куртку и кепку простого работника и...

Шпатц закурил. Последнее время разговоры о войне звучали все чаще. Ее обсуждали в Стадшуле, степенно, чинно, с привлечением исторических примеров и философских категорий. Ее обсуждали в пивных. Шумно, экспрессивно и с боевым задором. И все сходились в одном – война неизбежна. Это была простая констатация факта, ни у кого не вызывающего сомнений.

От неосвященной стены его дома отделилась невысокая фигурка.

– Шпатц? Это ты?

– Флинк? Что ты здесь делаешь?

– Жду тебя, – Флинк устроился на бортике фонтана рядом со Шпатцем и тоже достал портсигар. – Уже второй час.

Шпатц оглядел старого приятеля. Последний месяц они не встречались. Флинк был отлично одет, но выглядел уставшим.

– Я бы пригласил тебя к себе, но у меня в квартире нет ничего, кроме кровати. Хочешь, поговорим в конторе. У меня есть ключ.

Шпатц включил примус и сел на диван. Флинк пристроился на краешек стула и некоторое время молчал. Выражение его лица менялось с сумрачного на задумчивое. Жиденькие брови то сходились в складку на переносице, то шевелились, будто он мысленно спорил сам с собой. Шпатц молчал и ждал. Раз Флинк стоял и ждал, значит вряд ли просто зашел повидаться.

– Я не знаю, как начать, – Флинк почесал затылок, взлохматив волосы.

Снова повисла тишина. Зашумел чайник, Шпатц поднялся, выключил примус и вернулся на диван. Привычка. Приходишь в контору – следи, чтобы кипяток был все время готов. Даже если пить чай не собираешься.

– Давай я тебе помогу, – Шпатц облокотился на спинку. – Это как-то связано с Ирмой?

– О нет, та история, кажется, уже позади. Во всяком случае, я надеюсь. С нее сняли обвинения, и она вернулась в Вейсланд. Но это ты вроде и сам знаешь. Другая история. Я же все еще работаю в газете.

– Судя по твоему внешнему виду, не только, – Шпатц подмигнул.

– Да... Внешнему виду... Об этом я и хотел с тобой поговорить. Понимаешь, тут такое дело... У «Фамилиенцайтунг» есть вкладыш с объявлениями о знакомствах. Месяц назад одна дама написала туда письмо. А я в тот день как раз разбирал и сортировал почту. И я решил оставить фразу для себя. Написал ей, она ответила, я снова написал. В общем, за это время мы стали практически родными душами. И сегодня я получил письмо, в котором она предлагает мне встретиться.

– Это же прекрасно!

– Ах, если бы! Она представляет меня высоким, светловолосым, с волевым подбородком и холодными глазами, – «крысиное» лицо Флинк скривилось в обиженную гримасу. Шпатц приподнял брови. История, конечно, не очень приятная, но, если честно, когда он увидел Флинк у своего дома ночью, после того, как он на месяц куда-то пропал, то думал, что речь пойдет как минимум о военном перевороте или тайной организации виссенов, планирующей убийство кайзера, не меньше. А тут – какая-то дамочка, какие-то брачные объявления...

– Неприятная история, согласен, – сказал Шпатц.

– Ты можешь мне помочь?

– Если пойму, в чем именно, то может быть...

– Шпатц, посмотри в зеркало! Ты подходишь под описание моей дамы сердца просто идеально. Я хочу попросить тебя, чтобы ты сходил на свидание вместо меня.

– Что? – Шпатцу захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы проверить, не спит ли он. – Флинк, ты в своем уме? Ты рассказываешь мне, что влюбился в какую-то фразу, но ждешь, что я схожу вместо тебя на свидание? И что я должен там делать?

– Ну... Что всегда делают на свиданиях.

Шпатц не выдержал и расхохотался.

– Так. Давай повторим сначала. Ты влюбился в дамочку по переписке и хочешь, чтобы ваши отношения продолжались.

– Да.

– Ты просишь меня, чтобы я пошел к ней под твоим именем. Так?

– Пока я об этом думал, звучало менее бредово. Ладно. Эта фраза богата. В письме я представился другим именем, она знает, как выглядит Флинк Роблинген, я рисовал ее кузину.

– Хорошо, вот эта история уже больше похожа на правду...

– Дамочке стало мало писем, и она пожелала личной встречи. Я как мог этот момент откладывал, но когда она написала про высокого блондина, я подумал о тебе. Это очень щедрая фраза, правда...

– Флинк, я не особенно хорош в роли жиголо.

– Эта дама тебе понравится, обещаю! Она вполне в твоём вкусе!

– Я правильно понимаю, что сначала твой план был просто подсунуть меня ей в любовники, а самому получать от нее деньги в письмах?

– Ну... да. Что-то вроде. Извини.

Шпатц достал портсигар. Открыл его. Сосчитал оставшиеся сигареты и пришел к выводу, что он слишком много курит последнее время.

– Шпатц, ну пожалуйста! Я поступил как дурак. Она красива и богата. Ее денег вполне хватит на нас двоих. Давай ты хотя бы попробуешь один раз с ней встретиться, и если она тебе не понравится, я не буду ни на чем настаивать... Она блондинка, ей тридцать два года, и фигура у нее такая, что даже мертвец зашевелится.

– А зачем ей искать любовников по переписке в таком случае?

– Она замужем.

Шпатц снова открыл портсигар и сунул в зубы сигарету. Парадоксальная вещь! Вот опять Флинк пытается убедить Шпатца поучаствовать в настоящей авантюре, а он не хочет от нее отказываться. Сходить на свидание к замужней фрау – это, конечно, не сдать кровь на грязные примеси, но однозначно не одобряемое обществом действие. Сначала Шпатц хотел свести брови и категорически отказаться. Но... не стал. Неожиданно почувствовал азарт. Шпатц выпустил несколько колечек дыма.

– Как насчет завтра, Шпатц? – Флинк виновато улыбнулся и заглянул Шпатцу в глаза. Как нашкодивший ребенок.

– Увы, завтра я весь день занят. И не уверен, что к вечеру буду в состоянии очаровывать скучающих фрау. Послезавтра.

– Отлично! Шпатц, ты даже не представляешь, как я тебе благодарен!

– Пока еще не за что. Вдруг я не понравлюсь твоей фрау, и она вместо денег пришлет тебе гневную отповедь, что в реальности ты хам, невежда и отвратительный тип?

– Какие глупости, герр Шпатц! Твое наивное обаяние сводит женщин с ума. Даже сука Ирма по-настоящему по тебе вздыхала. Несмотря на сопутствующие обстоятельства.

– Очень лестно, учитывая, что Ирма собиралась меня убить...

– Она очень переживала по этому поводу. Ей было жаль, что тебя так быстро собирались скинуть со счетов, а она даже не успеет по-настоящему тобой воспользоваться.

Шпатцу не хотелось вспоминать про Ирму. Не столько даже потому, что в тот злополучный маскарад он получил две пули, и не потому что Ирма бросала на него плотоядные взгляды. Неприятно было другое – она умудрилась выйти сухой из воды. Никто не смог доказать ее причастность к убийствам двух старых фрау, впрочем, Шпатц не знал, чего ей это стоило.

– Почти два часа ночи, – сказал Шпатц. – У меня завтра тяжелый день, я должен был спать уже три часа назад.

– Прости! Конечно! – Флинк вскочил. – Встретимся послезавтра, я посвящу тебя в необходимые детали.

Шпатц кивнул. Выключил свет. Запер дверь. Махнул Флинку на прощание и направился через площадь к своему дому.

Глава 2

Aus den Augenhöhlen

Will sich die Seele stehlen

Ich stopfe Stück für Stück

Die Seele in den Kopf zurück

(Из глазниц

Хочет незаметно ускользнуть душа,

Я запикиваю постепенно

Душу обратно в голову)

Gib mir deine Augen – Rammstein

Шпатц осторожно пошевелился и тут же замер снова. Вид собственных ботинок над головокружительной пустотой парализовал. Пальцы сжались еще крепче. Настолько, что стало больно ладоням.

В какой момент все пошло не так? Ластваген, полный хмурых и молчаливых рабочих, въехал через ворота на территорию люфтшиффбау. Кто-то из пассажиров был сразу одет в рабочие комбинезоны с номерами эллингов, кто-то, как и Шпатц, ехал в обычной одежде. На плацу их ожидал шихтлайтер – мужчина средних лет с осанкой военного. Он был одет в коричневую форму и держал в руках планшет. Деловито сосчитал приехавших и начал по очереди выкрикивать имена.

– Грессель!

– Здесь, – отозвался Шпатц и махнул рукой.

– Эллинг семнадцать, третья бригада.

Вдоль ряда эллингов – циклопических ангаров, в которых строились люфтшиффы, по рельсам катались две платформы-дрезины, доставляющие рабочих по местам назначения. Шпатца, как человека без опыта, определили в самый «низ» – сборную бригаду, формируемую по мере необходимости. Он получил тряпичный нагрудный знак с номером эллинга и забрался на платформу вместе с остальными. Пыхтя паровым двигателем, платформа набрала ход и покатила вдоль ряда эллингов, притормаживая возле каждого из них, но не останавливаясь. Гигантские ворота были пронумерованы. Рядом с семнадцатым Шпатц соскочил с платформы вместе с еще тремя рабочими.

Издали было непонятно, как попадают внутрь эллингов – не открывают же гигантские ворота для каждого подошедшего человека. Все оказалось проще – для людей была приспособлена небольшая калитка, которую охранял сосредоточенного вида фельдфебель. Он оглядел вновь прибывших, и отдал приказ дожидаться следующего рейса платформы. «Коллеги» Шпатца тут же уселись на траву рядом с воротами и закурили. Шпатц остался стоять и оглядываться. Масштабы люфтшиффбау поражали, конечно. Вдалеке, через ровное как стол поле, виднелась еще одна стройка – там возводили ряд новых эллингов – вытягивали длинные шеи подъемные краны, тягачи подтаскивали элементы каркаса, сустились крохотные фигурки рабочих. Издали конструкция ангаров для люфтшиффов смотрелась невесомым кружевом.

– Новенький, нннда? – Один из рабочих поднялся и подошел к Шпатцу почти вплотную.

– Первый день, – Шпатц кивнул. – Я Шпатц Грессель.

– Смотрите, парни, чей-то сыночка пожаловал, – говоривший был ниже Шпатца, но смотрелся значительно шире в плечах. Плоская серая кепочка сдвинута на затылок, демонстрируя давно невымытые волосы неопределенного цвета.

– Все мы чьи-то сыночки, – Шпатц пожал плечами и дружелюбно улыбнулся.

– Ну-ну! – собеседник протянул руку, желая, видимо, потрепать Шпатца по щеке. Шпатц уклонился от панибратской «ласки» и перестал улыбаться. – Белоручку опять прислали.

Двое других рабочих рассмеялись, обнажив желтые от постоянного курения зубы. Тут снова подкатила платформа, и разговор, к счастью, прервался. Теперь количество людей показалось фельдфебелю достаточным для того, чтобы снять, наконец-то с пояса связку ключей и открыть калитку. Пригнувшись, Шпатц прошел внутрь.

Воспринимать размеры помещения рассудок отказывался. Шпатц попытался прикинуть, сколько этажей могло бы быть в доме, достигавшем крыши до потолка эллинга, но махнул рукой. Может быть, потом. Надо будет спросить, сколько метров до крыши. ... Но самым впечатляющим здесь были отнюдь не размеры. По центру на гигантских «козлах» покоилась металлическая рама-ферма будущего люфтшиффа. Несколько поперечных ребер-колец уже были установлены, так что по внешнему виду уже было ясно, что это за конструкция – хищная сигара люфтшиффа-бомбардировщика, способного нести несколько тонн смертоносных снарядов и в течение многих часов сбрасывать их на вражеские города. Но долго глазеть по сторонам Шпатцу не дали – бригадир, в чье распоряжение он попал, немедленно загрузил его нужными делами – тащить тележку туда. Вращать ворот лебедки. Нести носилки. Снова тащить тележку. Снова крутить. Тащить. Подавать.

На ладонях Шпатца, не привыкшего к физическому труду, почти сразу вздулись и лопнули мозоли. Довольно быстро он перестал пытаться сообразить, в каком именно процессе участвует. Сначала ему казалось, что происходит какой-то хаос – все куда-то идут, что-то несут, взбираются на головокружительной высоты лестницы на колесах, поднимают инструменты, детали и емкости в корзинах подъемников... Потом стало ясно, что никаким хаосом здесь и не пахнет – слаженная муравейная деловитость всех участников процесса стала очевидной.

А потом Шпатц так устал, что на обдумывание не осталось сил. Так что он просто тащил, крутил или тянул то, что от него требовали, мысленно проклиная Крамма и его приятеля, которые решили, что он будет в состоянии здесь что-то разузнать под видом обычного разнорабочего. Когда для третьей бригады наконец-то объявили перерыв на обед, Шпатц даже не сразу в это поверил.

Обедом кормили в оборудованной в углу эллинга столовой – два длинных стола с неудобными, разумеется, лавками, на которых одновременно могло разместиться человек сто. Получив на раздаче свою порцию густой похлебки из тушеного мяса с картошкой и ломоть хлеба, Шпатц поборол желание устроиться отдельно от всех. В конце концов, его задачей было понять, что здесь происходит, а не просто заработать кровавые мозоли на ладонях и устать до тошноты. К сожалению, тот парень в кепке, разговор с которым как-то не задался, оказался с ним совсем рядом.

– Вот и наш белоручка, – сказал он, и бригада неприятно заржала. – Не привыкли ладони работать по-настоящему-то? Ну что, расскажешь какую-нибудь сладкую сказочку, а, маменькин сыночка?

Шпатц снова пошевелился. Надо заставить себя встать на узкую балку обеими ногами, пройти по ней метров тридцать до решетчатого «ребра» и спуститься по косым перекладинам вниз. Шпатц потрогал языком разбитую губу. Осторожно разжал пальцы одной руки. Зашипел, когда присохшие к перекладине струпья свежих мозолей снова лопнули. Ощупал лицо. Скула не сломана, но синяк, скорее всего, уже сейчас внушительный. Несколько раз глубоко вдохнул. Выдохнул. Прикрыл глаза. Потом снова зачем-то посмотрел вниз и машинально вцепился в перекладину. Напрягся, зашипел от боли с левой стороны – а вот ребро, кажется, сломали, когда тащили к корзине подъемника...

Драки на обеде не получилось только из-за бригадира, который наорал на всех потенциальных участников и разогнал по рабочим местам. И снова потянулись часы, когда Шпатц катал тележки, крутил ворот и размешивал в ведре алюминиевую краску. Не получилось контакта. По каким-то признакам рабочие определили в нем чужака и теперь зыркали злыми взглядами из-под козырьков кепок, многозначительно сплевывали и потирали кулаки.

Его подкараулили почти в самом конце смены, когда он катил пустую тачку. Все произошло так быстро, что Шпатц даже не успел ответить. Подсечка, сильный толчок в спину, и вот он уже лежит, скрючившись, на полу, накрытый какой-то пыльной ветошью, стараясь прикрыть голову от ударов ногами. А потом он пришел в себя уже здесь, на балке перекрытия под самым потолком эллинга. Хотелось зарычать от бессилия, но заставить себя встать он не мог, а позвать на помощь не позволяла гордость. Безвыходная ситуация.

Элинг опустел – рабочие утренней смены отправились по домам, вечерняя смена или еще не пришла, или конкретно в этом ангаре ее не подразумевалось. Шпатц слышал, как за циклопическими воротами пыхтит транспортная платформа, как что-то лязгает металлом о металл и даже как кто-то поет хором. Еще раз разжал пальцы. Не смотреть вниз. Нужно всего лишь переместить руки повыше, повернуться боком и закинуть затекшие ноги на балку, шириной в одну ступню.

– А ежели он свалится, фронт этот? – спросил худой парень с рваным шрамом на губе. Один из тех троих, которые затаскивали почти бесчувственного Шпатца в корзину подъемника.

– Да и пес с ним, ннда? – второй, тот же самый, с сальными волосами и в кепке. – Нешто у нас мало кто падает с верхотуры? Разве мы знаем, зачем он туда полез? Может он вообще шпион, разнюхать чего хотел!

– И то правда!

У Шпатца почти получилось поставить одну ногу на балку, но ботинок соскользнул, он опять глянул вниз. Даже в вечерних сумерках было головокружительно высоко. Проклятье...

Лязгнул замок, скрипнула калитка.

– Я только проверю кое-что, герр фельдфебель, – сказал незнакомый голос. Раздались неспешные шаги подкованных ботинок. Луч мощного фонаря скользнул по стенам.

– Эй? Есть кто? Грессель?

Шпатц разлепил пересохшие губы и откашлялся.

– Я здесь, – получилось почти шепотом. Луч фонарика метнулся в его сторону.

– Ох ты ж! – незнакомец хлопнул себя рукой по бедру. – Ты как туда вообще забрался? Не можешь слезть?

– Не могу. Был бы очень вам благодарен, если бы вы...

Незнакомец выключил фонарь и постучал в калитку.

– Герр фельдфебель, не могли бы вы мне помочь?

Меньше чем через четверть часа Шпатц на нетвердых ногах стоял на земле. Его спасителем оказался начавший сидеть мужчина с глубокими складками поперек высокого лба. Он был одет в форменный комбинезон семнадцатого эллинга.

– Как тебя угораздило туда забраться, герр Грессель?

Фельдфебель, который, как Шпатцу казалось, должен был бы тоже проявить интерес к этой истории, равнодушно осмотрел Шпатца и вернулся на свой пост снаружи калитки.

– Простите, герр... эээ...

– Ропп, герр Грессель. Клаус Ропп.

– Простите, герр Ропп, – Шпатц вежливо кивнул. – Я поспорил с ребятами, что смогу туда забраться, но переоценил свои силы.

– Да? – Ропп иронично посмотрел в лицо Шпатцу. – Ай-яй-яй, как неосторожно с вашей стороны...

С одной стороны, Шпатца подмывало сдать обидчиков, рассказав про устроенную ни за что, ни про что «темную» и злую шутку с подъемником, с другой – у него было время подумать, пока он сидел под потолком. Если поведает начальству об этих развлечениях, то, может быть, того парня с сальными волосами и его приятелей и накажут, а может и нет. Катая тачку и крутя ворот, он успел выяснить не так уж и много. Но понял важный для себя момент – он ничего не знает о жизни рабочих. И в родном Сеймсвилле, и здесь, в Шварцланде, ему приходилось иметь дело с чиновниками, клерками, инженерами, врачами, кем угодно, но не с простыми работягами. Они казались чем-то само собой разумеющимся, безымянной и бессловесной массой, которую при необходимости можно заменить. Задача втереться в доверие необразованному быдлу выглядела простой, Шпатц всегда считал себя обаятельным парнем, и у него никогда не возникало проблем с общением. Но все оказалось сложнее – катая грохочущую тачку, он прислушивался к разговорам, и не понимал их. Они говорили вроде теми же словами, а не на странном диалекте, как в Унии Блоссомботтон, только их разговоры звучали еще менее понятно, чем говор необразованных горцев. Но один вывод он для себя сделал – если сейчас он расскажет Роппу о том, что его избили, а потом подняли на верхотуру и бросили, то найти с ними общего языка и не удастся. И не факт, что кто-то из них вообще понесет наказание, может быть, это обычное дело, и так здесь принято приветствовать новичков.

– Да, герр Ропп, я прошу прощения за самонадеянность и готов понести наказание.

– Наказание, – задумчиво проговорил Ропп и несколько раз качнулся с пяток на носки. Потом схватил Шпатца за руку и повернул ладонью вверх. – Белоручка ты, герр Грессель. Как тебя занесло в разнорабочие?

– Семейные обстоятельства, герр Ропп, – Шпатц опустил глаза. – Я работал клерком в департаменте учета транспорта и поссорился со своим начальником. Меня уволили, и я не смог найти другую работу.

– Понятно... – Ропп одними губами улыбнулся. – Понятненько. Пойдем-ка со мной, герр Грессель, поболтаем...

Каморка Роппа была в низком одноэтажном здании, притулившемся сбоку ряда эллингов. В тени их грандиозности Шпатц этой постройки по началу даже не заметил. В комнате Роппа ничего, кроме топчана, небольшого стола и стула не было – просто спальня на тот случай, если он остается ночевать на люфтшиффбау. На топчане лежала скатка из постельных принадлежностей, на столе – миска и кружка. Разговора о подробностях работы в транспортном департаменте Шпатц не опасался – он знал достаточно со слов Мозера, чтобы выдержать даже самый пристрастный допрос. Семейную же историю сочинил незамысловатую – тайный роман с дочкой начальника, которого его кандидатура не устроила, что и привело к плачевным последствиям для карьеры. Крамм не раз объяснял, что чем проще вымышленная биография, тем легче в нее верят.

– Знакомая история, – Ропп наклонился и нашарил в сумке-мешке под столом плоскую стеклянную фляжку. – Один необдуманный поступок, одна подпись на невзрачной бумажке, несколько сказанных шепотом слов – и вот ты уже нет у тебя никаких перспектив и никакой карьеры.

– Надеюсь, что для меня еще не все потеряно, герр Ропп, – Шпатц взял из рук Роппа фляжку и сделал глоток шнапса. Поморщился, и с благодарностью кивнул.

– Неожиданный выбор места работы, Грессель.

– Это получилось случайно, герр Ропп. Я просто взялся за первый попавшийся вариант, даже не разглядывая предписания. Но сейчас понимаю, что мне повезло.

– Повезло? – Ропп засмеялся. – Какие чудеса творит вовремя выпитый глоток шнапса. Разве этого испуганного воробушка я снял не более получаса назад из-под потолка?

– Не смейтесь, герр Ропп. Да, я здорово устал, мои руки не привыкли к тяжелой работе, да и на высоте я, оказывается, не такой смелый, как думал, – Шпатц посмотрел на свои многострадальные ладони. – Но люфтшиффы – это что-то удивительное. И сейчас, когда я чувствую, что в одном из этих небесных исполинов уже есть частичка моего труда, мне хочется собой гордиться. Хм... Как-то чересчур романтично звучит, да?

– Ну почему же... – Ропп перестал улыбаться. – Я понимаю, о чем ты говоришь. И наверняка каждый, кого ты сегодня видел в эллинге, понимает.

– Наверное, я бы хотел сделать здесь карьеру...

– А ты хороший парень, Грессель, – Ропп хлопнул Шпатца по плечу. Потребовалось немало усилий, чтобы не сморщиться от боли в сломанном ребре. – Если выдержишь, можешь далеко пойти. Тебе надо поторапливаться, чтобы успеть на последний ластваген. Я присмотрю за тобой, чтобы больше ты случайно не полез куда-то повыше.

Шпатц смотрел в окно на сгущающиеся сумерки. Отчасти он был собой доволен. Хотя бы в том, что остался в живых, а не валялся на полу эллинга мешком сломанных костей. С другой – ругал себя и Крамма за легкомыслие. Оконное стекло холодило ушибленную скулу, болели сбитые ладони, даже дышать было больно. Еще и свидание это завтра... Проклятье. Отличный же из него получится соблазнитель – со сломанным ребром, разбитой губой и синяком во всю скулу. Шпатц невесело усмехнулся и оглядел немногочисленных пассажиров последнего ластвагена из люфтшиффбау. Парочка сонных клерков из бухгалтерии, парень в форме полетного механика, наверное из испытателей, двое оберфельдфебелей. Все рабочие дневной смены

уже уехали. Вечерняя смена остается ночевать в эллингах и уезжает утренними ластвагенами. «Хорошо, что завтра я не работаю», – подумал Шпатц и снова стал смотреть в густые сумерки, неспешно превращающиеся в темноту.

Проснулся Шпатц поздно. Солнце пробилось сквозь непредусмотрительно оставленную щель в занавесках. Шпатц чихнул и тут же скривился от боли в ребре. С вечера он как смог перетянул льняным полотенцем корпус, чтобы не будить самого себя неосторожными движениями во сне. Обнаружил еще несколько ссадин и синяков на боках и ногах. Поднялся с кровати, сделал несколько осторожных движений, разминая мышцы. Пришел к выводу, что все не так уж и плохо. Но попенял себе, что забросил физические упражнения – так и жирком обрасти недолго. Пообещал в ближайшем будущем исправить это упущение и посмотрел на часы. Почти полдень. Через час должен был зайти Флинк, они договорились вместе пообедать.

Шпатц выглянул в окно. Мобиль Крамма стоял рядом с конторой, значит его начальник был на месте. Шпатц подумал, что надо бы пойти отчитаться, но настроения обсуждать свой провальный первый рабочий день не было. Хотелось есть.

– Герр Макс Вангенхайм? – Шпатц обернулся, почувствовав на своем плече легкое касание. Обладательницей низкого грудного голоса оказалась невысокая блондинка с весьма женственными формами. На вид ей было лет двадцать пять.

– Фрау штамм Эйхендорф? – Шпатц встал из за столика и вежливо поклонился. Его ребро тут же отозвалось болью. То, что дама из вервантов Шпатц узнал практически перед самым выходом из дома. И чуть было не отказался. Но Флинку опять как-то удалось его убедить. Сначала он объяснил, что в его синяке и разбитой губе нет ничего страшного, так даже романтичнее – всегда можно сочинить для дамы героическую историю о схватке с хулиганами, напавшими в подворотне на беззащитную старушку. Что до остальных травм, то на сегодняшнем свидании вполне можно ограничиться романтическим ужином, не переходя к активным физическим действиям. Все-таки, дама воспитанная и вряд ли набросится на Шпатца прямо в ресторане...

– Вы даже красивее, чем я ожидала, – фрау протянула руку и едва коснулась подушечками пальцев обезображенной кровоподтеком скулы Шпатца. – Рада, что ты не отменил свидание. Ты мне нравишься даже с таким... узором на лице.

– Вы... Ты... Извините, фрау штамм Эйхендорф... – Шпатц почувствовал, как его щеки начинают гореть. – Мы уже давно на ты в письмах, но я не ожидал, что вы... Ты окажешься настолько красивой, фрау Дагмар.

– Это так мило, герр Макс, – Дагмар стрельнула глазами в сторону стула.

– Ах, да, я настолько ослеплен, что совсем забыл про вежливость, – Шпатц отодвинул стул, приглашая даму садиться. Потом обошел стол и устроился напротив. – Я заказал игристое вино, но что касается блюд...

– Я совсем не голодна, – Дагмар наблюдала за струей вина, льющейся в ее бокал. Ее тонкие пальцы с длинными ногтями поглаживали серебряную вилку.

– Ты же писала, что это твой любимый ресторан... – во всяком случае, так сказал Шпатцу Флинк, когда рассказывал о месте будущего свидания. – Здесь восхитительно готовят рыбу.

– Сейчас я бы предпочла оказаться где-нибудь в другом месте, – принимая бокал, она невзначай коснулась руки Шпатца и погладила его пальцы. Сделала небольшой глоток, оставив на хрустале полукруглый след красной помады. – Разве ты не чувствуешь того же, герр Макс?

– Невежливо уходить вот так сразу, – Шпатц накрыл ее ладонь своей рукой. Дагмар неотрывно смотрела в его глаза поверх бокала. У Шпатца заныло сломанное ребро.

– Ты такой милый, герр Макс... – Шпатц почувствовал ее ступню на своем бедре. Проклятье. Она была очень соблазнительная. Глубокий вырез пурпурного платья притягивал его взгляд, ее касания «искрили» и вызывали ответное «шевеление» в определенных частях тела. Но почему-то вместо очаровательной фрау Дагмар он видел перед собой копию Ирмы. Вуль-

гарную и пресытившуюся, оценивающую его как кусок аппетитной вырезки в лавке мясника на углу. Шаловливая нога фрау Дагмар коснулась ушибленной вчера части его бедра. Шпатц вздрогнул и склонился вперед.

– Мы можем заказать десерт и вызвать мобиль, фрау Дагмар... – Вообще-то больше всего ему сейчас хотелось сослаться на занятость, стряхнуть с себя руки и ноги Дагмар, которые почему-то ощущались липкими, вежливо попрощаться и уйти. «Кажется, я слишком щепетилен для человека, который вчера весь день таскал тачки», – подумал Шпатц.

– Мы попросим официанта упаковать вишневый пирог и еще две бутылки игристого с собой...

Квартира фрау Дагмар занимала три верхних этажа высотного жилого дома на Мейнштрассе. Разглядеть внутреннее убранство Шпатцу не удалось – окна были закрыты плотными шторами, светильники выключены. Он осторожно поставил бумажный пакет, в который предупредительный официант упаковал их заказ, присовокупив комплимент от заведения – коробочку с крохотными пирожными. Сжал гибкую талию прильнувшей к нему Дагмар и ответил на ее поцелуй. Еще раз подумав, что позорное дезертирство из ресторана было бы куда более разумным действием.

– Моя спальня наверху, – горячий шепот Дагмар обжег Шпатцу ухо. Он всмотрелся в сумрак квартиры. Полукруглую лестницу освещали слабые лучики света, кое-как пробившиеся через плотные шторы. Дагмар в притворной истоме повисла на его плечах. Шпатцу было не очень понятно, почему он считает ее страсть притворной. Но ему казалось, что сценарий был бы тот же, если бы на месте него оказался кто угодно – Флинк, переживавший насчет своего немужественно-крысиного лица, герр Вурзель с тележкой брецелей, герр Боденгаузен, явившийся с контрольной проверкой.

Шпатц подхватил Дагмар на руки и широкими шагами направился к лестнице. В глазах потемнело от боли – фрау не была особенно тяжелой, но треснувшее ребро было против даже такой приятной нагрузки. Она обвила руками его шею и продолжала нашептывать на ухо страстные непристойности. А Шпатц думал, как бы не оступиться и не скатиться по крутой лестнице вниз, дополнив одно сломанное ребро еще парочкой.

Все обошлось. Спальня оказалась за третьей массивной дверью, которая предусмотрительно была приоткрыта и из нее струился мягкий мерцающий свет. Ощущение, что вся сцена написана заранее, усилилось. Шпатц представил, что будет, если он сейчас аккуратно положит изнывающую от страсти Дагмар на белоснежный шелк роскошной постели, попрощается и уйдет.

Он опустил Дагмар на кровать, отступил на шаг и стянул с себя пиджак. Дагмар подалась вперед и рванула на нем рубашку. Пуговицы посыпались на пол. «Ты должен мне рубашку из „Хиккер и Кош“, Флинк!» – подумал Шпатц. Дагмар прильнула к нему обнаженной грудью. Когда она успела снять платье?

Шпатц лежал на спине и смотрел в потолок. Сейчас он казался себе спортивным снарядом, на котором фрау Дагмар отрабатывала навыки любовной физкультуры. Унизительное ощущение. Захотелось даже закурить. Чтобы принять в процессе хоть какое-то участие, Шпатц поднял руку и погладил ее шелковистые волосы.

Вспыхнувший свет показался ослепительным. Дагмар скатилась со Шпатца и прикрыла обнаженное тело простыней. Шпатц прищурился, на мгновение ослепнув, проморгался и понял, что смотрит в дуло тяжелого армейского пистолета.

– Что это значит, Дагмар? – голос принадлежал высокому мужчине в черном костюме и темно-сером плаще. Очевидно, он прошел в спальню сразу, как только открыл дверь.

– Ты не смеешь мне указывать как жить, Алоис! – в низком голосе Дагмар прорезались высокие истеричные нотки. Мужчина поднял оружие к потолку, грянул выстрел, на Шпатца

посыпались куски штукатурки. Он вскочил с кровати, проклиная себя за нерешительность. Он же мог уйти еще из ресторана, не продолжая это кошмарное свидание!

– Я считаю до трех, – голос мужчины не дрожал от гнева и не звучал обиженным. Скорее уж он был скучающим. Словно вернувшийся обманутый муж тоже играл свою роль. Раздался еще один выстрел. Острыми осколками брызнула лампа из мозаичного стекла, стоявшая на прикроватной тумбочке. Шпатц рванулся к выходу, придерживая штаны. Мысленно возблагодарил нетерпеливую Дагмар, поленившуюся снять с него одежду. Споткнулся об свой же пиджак, подхватил его и, перепрыгивая через ступеньки, понесся вниз. Следующий выстрел. Щеку оцарапали осколки облицовочного мрамора. В гостиной теперь было светло, очевидно, вернувшийся муж не поленился включить все светильники. Только Шпатцу было не до разглядывания интерьеров.

Он выскочил на Мейнштрассе и, пряча взгляд от прохожих, принялся зашнуровывать ботинки. Не сразу понял, что ему мешает – оказалось, что вместе с плащом он схватил пакет из ресторана. Чуть не швырнул его на брусчатку тротуара. Было мучительно стыдно. Пальцы дрожали. Сердце колотилось. Он застегнул плащ на все пуговицы и торопливо свернул в первый попавшийся переулок. Остановился. Прислонился спиной к стене. Сунул руку в карман в поисках портсигара. Понял, что выронил его во время позорного бегства. Дал себе слово никогда больше не связываться с замужними фрау. Усмехнулся. Выдох. Вдох.

Когда сердце перестало бешено колотиться, Шпатц отлип от стены и неспешно направился по переулку прочь от Мейнштрассе. Прийти домой, принять душ и забыть эту историю как страшный сон. К счастью, Дагмар не знала его настоящего имени, а у ее супруга не было возможности внимательно рассмотреть его лицо. Кроме того, когда заживет разбитая губа и сойдет синяк на скуле, опознать его будет практически невозможно. Шпатц провел рукой по щеке. Мраморная крошка оставила несколько кровоточащих царапин. Он, не останавливаясь, достал из кармана пиджака платок и стер красные капли. Это все просто неудачно сложившиеся обстоятельства, ничего более. Синяки и царапины заживут. Послезавтра он снова поедет на люфтшиффау и постарается не наделать новых ошибок. Кроме того...

Шпатц вдруг подумал, что он все еще не обсудил с Краммом свой первый рабочий день на заводе. Он огляделся, сориентировался, где находится, и прибавил шаг. Пусть Флинк сам разбирается со своей Дагмар. Пишет, что герой ее романа записался в армию и отправился на границу Чандора, завербовался в полярную экспедицию и в настоящий момент скользит над облаками где-то над льдами северного побережья, стал оккультистом и принял обет безбрачия в конце концов. Пора сделать для себя вывод, что от женщин Флинк одни сплошные неприятности.

– Пойдите, молодой человек, – Шпатц отшатнулся от руки, которая неожиданно легла ему на плечо. – Нет-нет, я не собираюсь ссориться, давайте поговорим!

Шпатц остановился, почувствовав досаду. Перед ним стоял обманутый муж фрау Дагмар. Тот самый, который несколько минут назад стрелял в него из армейского пистолета.

– Я совершил ошибку и прошу прощения, герр... – быстро проговорил Шпатц, стараясь держаться от собеседника на приличной дистанции, чтобы в случае чего сохранить пространство для маневра. – Извините, не знаю, как вас зовут.

– Я Алоис Лангерман, герр Макс, – мужчина грустно улыбнулся. – Вас же зовут Макс?

– Лангерман? – Шпатц наморщил лоб, вспоминая. Он точно слышал это имя. – Вы случайно не редактор «Фамилиенцайтунг», герр Лангерман?

– И редактор, и владелец, герр Макс. Газета создающая и укрепляющая семьи. Такая вот ирония, да. Так мы можем поговорить?

– Не представляю, о чем, герр Лангерман, – Шпатц дернул плечом. – Вы застали меня в непристойной ситуации, справедливо разозлились, я позорно сбежал. Могу вам поклясться, что больше никогда...

– Нет-нет, не надо кляtv, пожалуйста! – Лангерман сделал шаг к Шпатцу, но тот опять отступил. – Я знаю маленькую пивную неподалеку, как насчет выпить по кружечке?

«Надо просто развернуться, попрощаться и уйти! Что сложного?!» – подумал Шпатц. Но сказал почему-то:

– Надеюсь, вы понимаете, что делаете.

Пивная находилась в полуподвале и чем-то была похожа на заведение фрау Вигберг – всего несколько столиков, стойка и полумрак, подсвеченный газовыми рожками. На этом сходство заканчивалось. Бармен, лицо которого было неувовимо похоже на морду скучающего бульдога, нацедил две кружки подозрительно мутного пива. На вкус напиток оказался еще хуже, чем на вид. Кажется, что разбавили его дважды – один раз у поставщика, второй раз в пивной. В качестве закуски предлагались зачерствевшие брецели и вяленое мясо. Шпатц выжидательно уставился на своего собеседника, не особенно соблазнившись угощением. Лангерман же, напротив, осушил свою кружку практически одним глотком, попросил бармена повторить и принялся задумчиво жевать темно-красный ломтик мяса.

– Герр Лангерман? – Шпатцу на мгновение показалось, что обманутый муж забыл о его существовании.

– Да, герр Макс, я просто обдумываю с чего начать. Вы знаете, что моя супруга из семьи Эйхендорф? – Шпатц кивнул. – Нас поженил мой отец. Посчитал, что если он породнится с вервантами, то это сделает его ближе к аристократам.

Шпатц хмыкнул. Где-то он уже слышал похожую историю.

– Но дело не в этом, герр Макс. Она хорошая девочка, но, увы, бесплодна. Поэтому Эйхендорфы так легко и отдали ее мне. А мне ее жаль, хоть она и ведет себя ужасно.

Шпатц печально посмотрел на свою кружку, но пить из нее не стал. Меньше всего ему хотелось сейчас слушать откровения рогоносца, архитектурное украшение головы которого он сам же не так давно увеличил еще на одну веточку.

– Я хочу ей помочь, герр Макс, – Лангерман снова отхлебнул отвратительного разбавленного пойла, которое в этой забегаловке почему-то называли пивом. – Скажите, вам нравится Дагмар? Только честно?

– Она очень красива, – осторожно сказал Шпатц.

– Я беспокоюсь о ней, герр Макс, – Лангерман отставил опустевшую кружку. – Однажды в своей страсти досадить мне, она нарвется на кого-нибудь по-настоящему опасного, и это может стоить ей жизни. Понимаете, я не столько беспокоюсь о своей репутации, сколько... Как бы вам объяснить... Может вы согласитесь стать ее постоянным любовником?

– Эээ... Что? – Шпатц поперхнулся. Лангерман подвинул к нему кружку.

– Понимаю, это звучит странно. Но может почувствовав себя любимой, она перестанет творить... всякие безумства?

– Я выронил у вас свой портсигар, – зачем-то вспомнил Шпатц.

– Ах да, вот он, возьмите, герр Макс, – Лангерман порылся в кармане и протянул Шпатцу го портсигар. – Девочка хочет, чтобы я злился. На публике я буду приходить в бешенство при упоминании вашего имени, но сейчас я бы хотел...

– Вы в меня стреляли, герр Лангерман, – Шпатц чиркнул спичкой, подкуривая сигарету. Не то, чтобы ему хотелось закурить, скорее было желание чем-то занять руки.

– Я хорошо стреляю, герр Макс, – Лангерман грустно улыбнулся. – Если бы я хотел вас убить, у меня была масса возможностей сделать это, пока вы шли по переулку, погруженный в свои мысли.

– Вы правы, – Шпатц выпустил несколько колечек дыма. – Боюсь, что я не готов дать вам ответ, герр Лангерман.

– Я понимаю, герр Макс, – Лангерман кивнул. – Возьмите мою визитку. Я буду рад, если вы подумаете над моим предложением. И озвучите вашу цену за сотрудничество, например, к следующей пятнице.

– Мне пора идти, герр Лангерман, – Шпатц поднялся. Наконец-то! Наконец-то он смог справиться со своей вежливостью и прервать этот утомительный и оскорбительный, надо признаться, разговор.

– До встречи, герр Макс, – Лангерман тоже встал и протянул руку. Шпатц не принял рукопожатия. – Я понимаю. Надеюсь, вы все же передумаете и примете мое предложение.

Вопреки опасениям, Крамм не стал смеяться и шутить. Он выслушал отчет Шпатца с очень серьезным лицом, потом полез за бумажником и достал из него несколько купюр.

– Это премия, герр Шпатц. За мою непредусмотрительность и безответственность. Я совершенно не подумал, насколько чуждо ты будешь смотреться среди работяг со своим лицом истинного аристократа. Это мой недосмотр и наша ошибка. Чаю?

– У меня есть игристое, вишневый пирог и пирожные, – Шпатц раскрыл пакет, который стоял рядом с диваном.

– Как я вижу, твои приключения вчерашним рабочим днем не ограничились, герр Шпатц.

– У меня было неудачное свидание.

– О... Девушка смогла устоять перед твоим обаянием и двумя бутылками дорогого вина? – Крамм открыл ящик стола и извлек два бокала из синего стекла.

– Напротив, герр Крамм. Просто в самый неподходящий момент явился ее муж и принялся стрелять.

– Хм... Теперь я очень хочу услышать подробности!

Пока Крамм открывал бутылку игристого и разливал вино по бокалам, Шпатц вкратце изложил свои сегодняшние злоключения.

– Хм... Крамм задумчиво закинул в рот крохотное пирожное. – Я уже говорил тебе, что ты очень удачное приобретение, герр Шпатц?

Шпатц сделал глоток вина и вопросительно посмотрел на начальника.

– Мне следует еще раз нанести визит прекрасной фройляйн Оффенбаум, которая тебя мне сосватала и... Как, говоришь, называется ресторан, где ты взял эти восхитительные пирожные?

– «Бархатный занавес», герр Крамм. Но какое это имеет отношение...

– Видишь ли, до меня доходила масса слухов о тех, кто вращается вокруг «Фамилиен-цайтунг». Только мне ни разу не удалось подобраться к ним поближе. Ты же, совершенно случайно оказался замешан в их делишки.

– Я не собирался звонить этому Лангерману, – Шпатц дернул плечом. – Не очень горю желанием улаживать его капризную супругу...

– Может этого и не потребуется, – Крамм хитро улыбнулся. – Зато теперь у тебя есть повод нанести ему ответный визит, извиниться за невежливость, сославшись на нервное состояние и попроситься на один из его закрытых приемов...

– Герр Крамм... – Шпатц нахмурился.

– Так, договорились, ни слова больше об этом деле! – Крамм вскочил и заходил по комнате, размахивая бокалом. – Если бы я был на твоем месте, то в ответ на такое предложение как минимум уже готов был бы сломать мне нос! В тебя только что стреляли, а я уже строю планы на твою нежную дружбу с хозяином пистолета!

Крамм рассмеялся, потом лицо его снова стало серьезным. Он допил игристое из бокала, взял бутылку и наполнил его снова. Шпатц знал это выражение лица. Оно означало, что начальник собирается сказать что-то важное.

– Давай, однако, вернемся к нашим делам на люфтшиффбау, – он поставил бокал на полочку шкафа, распахнул дверцу и извлек оттуда тонкую картонную папку. – В обход того

бумажного хлама, который выдал нам для работы мой приятель, мне удалось кое-что накопать по своим каналам. Не особенно много, но это уже все-таки не пустые руки. Начнем с твоего герра Роппа. На первый взгляд он довольно скучная персона, я даже не знаю, почему обратил на него внимание. Наверное потому что он слишком правильный. У него есть три характеристики с прошлых мест работы, и все они блестящие – ответственный, настоящий профессионал своего дела, хорошо показал себя в конфликтных ситуациях...

– И в чем же проблема?

– В местах работы. Везде случались некие... инциденты. Например, последнее место, где он трудился – это речные доки Каббермайера и Фишера, – Крамм со значением посмотрел на Шпатца, но тот не понял намека. – Ах да, все время забываю, что ты здесь недавно! Я так к тебе привык, что мне кажется, что ты местный! Полгода назад там случилась страшная авария – речной пароход протаранил склады рыболовной артели. Случился страшный взрыв, больше сотни человеческих жертв и пожар, почти полностью уничтоживший Герсдорф. Это поселок в предместьях Билегебена.

– Что могло взорваться на рыболовном складе?

– Именно что... В газетах писали, что это была неисправность котла.

– Сотня жертв? Я видел, что случается с паровозом, когда взрывается котел. Чтобы погибло сто человек, его нужно сбросить на эту толпу сверху, предварительно проследив, чтобы они все стояли кучно и держались за руки, – Шпатц допил вино из своего бокала и потянулся за бутылкой.

– Или вот другое место, на шахте, – Крамм подхватил свой бокал, сунул папку под мышку и вернулся за свой стол. – Шахта номер восемь в Шиферберге. Про это ты тоже вряд ли слышал. История менее знаменитая, жертв было меньше. Там случился обвал, погибли шахтеры, разработку до сих пор не возобновили. Третья история примерно такая же – фабрика Гагенгаблена. Года два тому назад. Сначала там случилась мелкая авария, а потом неожиданно рабочие устроили драку между собой, что-то пошло не так, в общем, жертвы есть, история темная.

– И вы думаете, что Ропп имел к этому какое-то отношение, герр Крамм?

– Необязательно. На любой фабрике случаются разные инциденты с жертвами. Я же не оккультист, чтобы решить, что этот твой Ропп приносит катастрофы в каждое место, куда устраивается работать.

– Хорошо, я присмотрюсь к нему внимательнее, – Шпатц привстал и взял со стола начальника папку. – А кто еще?

– Организатор профсоюза, – Крамм поморщился. – Вообще это веяние кажется мне отвратительным. Насколько я знаю, в прошлый раз тема объединений рабочих была закрыта еще лет тридцать назад, во время реформ кайзера Зогга. Он решил, что горлающие бездельники не нужны и учредил арбайтсхаузы. Как раз для любителей устраивать забастовки и тормозить прогресс. Парочку особо рьяных лидеров движения расстреляли, бастующих погрузили в лагстеры и отправили работать за еду без права выходить за пределы обозначенной территории. И в своем обращении к народу кайзер тогда недвусмысленно заявил, что мы все работаем сообща, вкладывая в величие и процветание родной страны кто сколько может. В такой ситуации немыслимо бездельничать и мешать другим работать. И что каждый бездельник или горлопан – это такой же вор и заслуживает наказания.

– Кайзер Зогг умеет быть убедительным, – Шпатц открыл папку и полистал страницы. Несколько фотографий, несколько страниц, исписанных от руки почерком Крамма, несколько страниц, напечатанных на машинке. Негусто.

– Ну да. А сейчас он дал послабление, и откуда-то из темных углов снова вылезли профсоюзные деятели...

– В Сеймсвилле это обычное дело, – Шпатц пожал плечами. – Но там они не бастуют, а в основном занимаются нормальными делами. Прикармливают врачей для своих, сообщают разные проблемы, если у кого-то пожар или что-то подобное.

– Я слышал и кое-что другое, герр Шпатц, – Крамм подмигнул. – Но в нашем случае дело не в общественных тенденциях и местечковых традициях. А в личностях, которые этим занимаются. Вот как например этот самый Полди Мюффлинг.

– Вот этот тип на фотокарточке? – Шпатц достал из папки отпечаток.

– Да-да, он самый. Ты его видел?

– Боюсь, что нет, – Шпатц присмотрелся внимательнее. – Сначала мне показалось, что это тот парень, который затеял со мной ссору. Но нет, просто похож. Этот старше.

– У него шестеро братьев, так что ты вполне мог столкнуться с одним из них. Только семейной фотокарточки Мюффлингов мне добыть не удалось.

– А почему ваш приятель не хочет разобраться с возникшим профсоюзом по правилу кайзера Зогга? Люфтшиффбау – это же не... хм... цех по производству колбасы.

– Потому что герр Фугер – не кайзер Зогг, – Крамм засмеялся. – С одной стороны, после того как из эллингов гражданского люфтшиффбау Билегебена стали выползать длинные бомбардировщики, он раздулся от гордости и начал строить планы на возможный стремительный рост карьеры, каковой всегда предоставляет война, с другой – ему стали всюду мерещиться шпионы и диверсии.

– Если ему просто мерещится, то почему мы вообще этим занялись? – Шпатц тронул свой бок, ребро отозвалось тупой неприятной болью.

– Потому что я не считаю, что ему мерещится. Но решительных действий он опасается до тех пор, пока не добыл настоящих доказательств подрывной деятельности.

– Понимаю, – Шпатц кивнул. – Когда на горизонте маячит блистательная карьера, загубить ее в самом начале не очень хочется.

– Именно так! Если герр Фугер поднимет шум раньше времени, начнется разбирательство, производство затормозится, может быть найдут виноватых, а может и нет. Все эти Мюффлеры сделают тупые лица и будут удивленно хлопать глазами на допросах, Ропп начнет всех мирить, начнут искать концы, придут к Фугеру и строго так спросят: «Герр главный инженер, а на каком основании вы подозревали наших лучших рабочих в неподобающих действиях? На чувстве зуда в пятой точке?» И гипотетическая блистательная карьера моего приятеля закончится.

– А если он пропустит момент, и на люфтшиффбау случится пожар с десятками погибших, то разбираться тоже придут к нему?

– В том числе. Если диверсия будет доказана, то многие головы полетят с плеч, – Крамм развел руками. – Такая вот деликатная ситуация, герр Шпатц.

Шпатц поднялся по лестнице в свою каморку под крышей и на ощупь открыл дверь. Чтобы не включать свет в столь поздний час и не будить соседей. В полумраке заметил, как под ноги ему скользнуло что-то белое. Письмо. Он машинально поднял его, сунул в карман и вошел в дверь. Снял плащ и повесил его на крючок. Включил тусклую прикроватную лампу. Снял испорченную рубашку и оценил масштаб бедствия. Пуговицы были вырваны с корнем – тонкая шелковая ткань не пережила столь жестокого обращения. Наверное, хорошая хозяйка смогла бы починить все эти прорехи, но Шпатц никогда не считал себя хорошей хозяйкой. Попросить Лейзе? Шпатц бросил рубашку на пол. Не везет ему с парадно-выходными вещами. Стоит ему одеться во что-то особенное, дорогое или купленное специально к случаю, как в этот раз, например, так обязательно случается что-то, приводящее дорогую вещь в негодность.

Шпатц переоделся в пижаму, откинул с кровати покрывало и собрался, было, выключить лампу, но вспомнил про письмо.

«Здравствуйте, герр Грессель. Вашим адресом со мной любезно поделился ваш инспектор из департамента по контролю. Я прождал вас несколько часов, но вы не появились, так что я решил черкнуть пару строк перед тем, как уйти.

Меня зовут Руди Рикерт. Я был знаком с вашей матерью, когда она еще не превратилась в фрау Грессель. Я буду в Билегебене еще неделю, остановился в пансионе Домире, это на Тульпенштрассе.

Позвоните по номеру F12-T71, оставьте сообщение для Руди Рикерта, где и когда мы могли бы встретиться.

С уважением. Р. Р.»

Шпатц отложил письмо и нахмурился. Помнится, именно историей матери Кронивен и заманил его в ловушку. Когда Шпатц последний раз его видел, тот неуклюже забирался в флюг-фогель под прицелом обезумевшей Сигилд. С тех пор он никак не давал о себе знать. С другой стороны, когда-то же его семья должна проявить к нему знаки внимания? Может быть, этого Руди Рикерта как раз и прислали Фогельзанги, чтобы разведать, что за нового отпрыска принесла им судьба? «Бесполезно гадать», – подумал Шпатц и выключил свет.

Глава 3

Ich werde nie satt

Es ist besser wenn man mehr hat

MEHR...

(Я никогда не буду доволен

Лучше, когда есть что-то еще

Больше!...)

Mehr – Rammstein

«Шлю письмо с самого края настоящей земли – мыса Кальтерланц. Дальнейший наш путь лежит через необитаемые просторы. Обитатели сеймсвилльской полярной станции клятвенно заверили, что почта отсюда доставляется исправно, хотя оглядываясь по сторонам я в это не очень верю, очень уж оторванным от цивилизации выглядит это место.

Я уже писала как гауптманн Крессенштейн поспорил с той странной парочкой Сандстромом и Бьоркманном. Они утверждали, что мы никак не можем преодолеть расстояние в тысячу километров меньше, чем за сутки. Ссылались на устойчивый ветер в Высотах Блоссомботтон, на собственный жизненный опыт и на «это никак невозможно, герр Крессенштейн!» Адлер не вмешивался, а Крессенштейн заключил пари, что мы доберемся до этой их полярной твердыни не позже полуночи. Он оказался прав, конечно. Может быть бородатые сеймсвилльские полярники и много понимают в климатических переменных и движениях полярных льдов, но мне кажется, что они до сих пор путешествуют сначала верхом, а потом на собачьих упряжках. С их точки зрения, люфтшифф – это такой пузырь из бычьих потрохов, наполненный горячим воздухом. Было смешно наблюдать, как закипает Крессенштейн, пытаюсь что-то доказать этим дремучим ретроградам!

Честно сказать, когда я представляла себе, что такое полярная станция, то ожидала увидеть что-то другое. Величественное, что ли. На самом же деле оказалось, что станция Кальтерланц – это четыре больших приземистых здания и еще несколько маленьких. И башенка с высоким шпилем на скале. Сначала я думала, что это флагшток, но мне растолковали, что это метеовышка. Ну пусть так.

Помнишь, ты шутил насчет проваливаться в снег по уши? Так вот, снега нет. Вокруг голый коричневый камень, базальтовые скалы, немного мха и немного льда. Вода в море жутко соленая и такая холодная, что когда суешь в нее палец, он сразу немеет и кажется, что вот-вот отпадет. В целом впечатления довольно тяжелые – берег пустынный и очень тоскливый. Из живого здесь только множество горластых морских птиц.

Из удивительного – солнце здесь не заходит за горизонт. Сейчас я пишу тебе, а оно светит прямо мне в окно. Я могу закрыть ставни, чтобы заснуть, но пока меня завораживает это удивительное явление. Кстати, как единственной женщине, мне выделили отдельную комнату. Говорят, что тут не все время вот так – суровое мужское общество, просто сейчас как-то так получилось. Они лукавят, Васа, поверь моей интуиции. Может быть, когда-то эта полярная станция знавала и лучшие времена, но сейчас она никому не нужна. Да, сидящих на ней энтузиастов все еще снабжают провиантом и топливом, но, скорее всего, полное запустение этого места всего лишь вопрос времени – всюду следы разрухи и тлена, которые тщательно пытаются скрыть, замазывая трещины и подкрашивая облупленные стены.

По моим оценкам, здесь могло бы находиться одновременно до двухсот человек, сейчас всего семнадцать.

Я так и не смогла понять, кто из них начальник. Одеваются они одинаково, знаков различия нет, указания никто не раздает – все просто совершают действия по давно заученному распорядку. Торжественный ужин в нашу честь был довольно тягостным – сначала все вроде уселись за общий стол, но было заметно, что общение хозяевам станции дается с большим трудом. Казалось бы, они должны были соскучиться по живым людям, да и вообще – другим людям. На деле же ничего подобного. Да, дружелюбие было искренним, но чувствовалось, что разговор дается им сложно. Ситуацию решил Адлер – сказал, что мы устали с дороги, так что вечер надо заканчивать. А с чего бы мы устали? На большой высоте люфтишифф даже не качает. Правда из зрелищ – только обратная сторона облаков... Но, оглядываясь вокруг, подозреваю, что ближайший месяц облака – это самое яркое, что мы можем увидеть.

Ах да. Хотела рассказать про команду станции. Как я уже писала, их семнадцать. Условно эту компанию можно поделить на две части – семеро ученых, десять разнорабочих. Не ручаюсь, потому что... Хотя я уже писала – одеты они одинаково, чем занимаются – непонятно.

У нас в планах – задержаться на станции на трое суток и совершить несколько тренировочных полетов. Сначала речь шла про неделю, но, как мне кажется наш хауптманн, познакомившись с местной публикой, решил ускорить процесс.

Я откладываю момент описания персоналий, хотя знаю, что ты больше всего любишь спрашивать именно про людей.

Ну что ж, я попробую.

Итак, троих бородатых полярников зовут Розан, Дальф и Фальк. Который из них кто я не разобрала, если бы я не видела их всех вместе, то решила бы, что это один и тот же человек. Я понимаю, что несправедлива, но поделаться с собой ничего не могу. Что можно сказать про всех сеймсвилльцев вообще – они с первого шага на их суровую землю окружили меня заботой – следили, чтобы на ветру не стояла, доктора Ледебура отчитали, когда он захотел прогуляться до торосов и попросил меня его сопроводить. Каждый попытался подарить мне какую-нибудь теплую вещь. Хорошо, что меня еще в столице предупредили, что отказываться от таких подарков нельзя. Ну, то есть можно, но невежливо. Так что теперь у меня есть целая коллекция вязаных шарфов, шапочек и варежек. Последние оказались очень к месту, в Билегебене никогда не бывает так холодно. Это очень странно, Васа. Температура вроде не такая уж и низкая, но я никак не могу перестать мерзнуть. Мне кажется, что немеют даже кости внутри пальцев. Все время хочется закутаться потеплее и тереть ладони друг об друга, чтобы чувствовать, что они еще живые.

Дальнейший наш путь лежит через еще более холодные края, где море никогда не освобождается ото льда, так что может быть, я еще не раз возблагодарю их за эти подарки...«

– Мы можем подняться еще выше? – голос Адлера штатм Фогельзанга звучал глухо. Его лицо до самых глаз было закутано шарфом. – Не стоит, шеф, если «Кальтесхерц» поднимется выше, то внешняя оболочка обледенеет, – казалось, что Крессенштейн расслаблен и почти не двигается. Над свинцовыми волнами клубился молочно-белый туман. – Как знаешь,

я тебе доверяю, – Адлер устроился на откидном металлическом стуле. – Не представлял, как здесь холодно. – Так идите в жилой отсек, герр Адлер, – Крессенштейн едва заметно пошевелил штурвалом. – Не хочу пропустить момент, герр гауптман, – Адлер подышал на руки, укутанные в громоздкие варежки. – Кроме того, как я собираюсь совершать какие-то действия вниз, если не могу справиться с холодом? – Там придется двигаться, холод будет почти незаметным, – Крессенштейн пожал плечами. – Да как вы не мерзнете?! – Адлер вскочил и сделал несколько резких махов руками. – Вы волнуетесь, герр Адлер. В вашем возрасте это нормально. – Сколько еще до архипелага? – Два часа, если повезет.

«... Утром мы совершили один полет до ближайшего архипелага. Архипелаг – это громко сказано, конечно. Так, скопище камней, торчащих из моря. Мы спустились так низко, как только смогли. Гауптман настоящий виртуоз.

На обратной дороге море заволокло густым туманом, мы как будто плыли в молоке. Я вышла на открытую смотровую площадку только, а потом сразу спряталась греться. Кажется, что этот туман просачивается сквозь теплую одежду и трогает тебя своими ледяными пальцами. На станции сказали, что это только по началу так, потом привыкаешь.

Я сейчас прямо слышу твой насмешливый голос, который спрашивает меня, не жалею ли я, что ввязалась в эту экспедицию. Нет, мой друг, не жалею. К сожалению, я не могу тебе писать всего – это обычное бумажное письмо, уверена, в дороге его прочитают все, кому не лень. Так что просто поверь, здесь восхитительные и ни с чем несравнимые условия. Видел бы ты, как горели глаза Зеппа, когда он проводил поверхностные замеры вокруг полярной станции! Ему потребовалось немало усилий, чтобы сдержаться и не начать договариваться об аренде одного из корпусов под его научные изыскания. Но тогда пришлось бы показывать наш груз и объяснять в общих чертах в чем состоят его опыты.

На этом я прощаюсь. Завтра нам предстоит еще один полет, послезавтра – профилактический ремонт, а через два дня мы стартуем. Пожелай нам удачи.

Твоя закутанная в шерстяные вещи, в тщетной попытке спастись от холода, Лисбет».

– А ведь я им немного завидую, герр Крамм, – Шпатц встал и нацедил себе еще пива из бочки. Корбл сидел на стуле, вытянув протез, и благодушно курил трубку. Сегодня он объявил «день пива». Никакой плиты, только вяленая, соленая и копченая рыба. Так что его заведение было забито посетителями, охочими до дешевой выпивки, и если бы Крамм не был одним из любимых клиентов, то места бы им не досталось. Но ради приятеля одноногий повар выставил из-за крохотного столика в нише за бочкой пьяного бродягу с его не менее пьяной подружкой и устроился неподалеку, следя, чтобы маргинальная его публика не начала проявлять к Крамму и Шпатцу меркантильный интерес.

– Немного? – Крамм хохотнул, сложил письмо от Лисбет и сунул его в карман пиджака. – У тебя так мечтательно затуманены глаза, что мне кажется, что ты мысленно где-то там, мерзнешь рядом со своим кузеном на капитанском мостике и озираешь с высоты суровые просторы. Корбл, ты был когда-нибудь в полярных широтах?

– Я родился в тех краях, про которые пишет эта ваша Лисбет. Мы перебрались в Аанерсгросс, когда мне было четырнадцать. В нескольких километрах от мыса Кальтерланц было рыбацкое поселение изб на двадцать. И по всему берегу таких было десятки. Но постепенно оттуда все сбежали.

– От холода?

– Ерунда этот холод, ко всему привыкаешь, – Корбл, не поднимаясь, нацедил себе пива из бочки. – От ненужности. Во всяком случае, так сказала моя мама. Королю стали не нужны эти земли, вместе с рыбой из моря. А когда живешь на краю земли, важно ощущать, что ты часть чего-то целого. Впрочем, не знаю. Мне показалось, что мы уехали просто в поисках лучшей жизни.

– Нашли?

– Мои родители точно нет. Началась война, и они оба погибли в том городе, которого больше нет. А я сбежал. Ушел бродить по лесу, заблудился, а когда вышел на опушку, то увидел, что все горит и дымится, а в небе болтаются три хищных вейсландских колбасы.

– Корбл, а у вас не рассказывали истории о разрушенном городе где-то на острове? – спросил Шпатц.

– О, да, сколько угодно! Тебе бы с нашими бабками поговорить, они бы таких небылиц про него порассказали!

– Ты думаешь, что все это сказки?

– Старшилки-то? Конечно. Они их придумывали, чтобы мальчишки в дом не тащили что море выносит.

Шпатц молчал, ожидая продолжения.

– Ну, стекляшки все эти мутные, прозрачные когти, черепки с рисунками, бляшки черные, – Корбл развел руками, будто не мог поверить, что собеседники не знают таких очевидных вещей. – Рассказывали, что от них бывают язвы, болезни и безумие. Чушь все. У меня прозрачный коготь до сих пор сохранился, я его из него рукоятку для шила сделал. И ничего со мной не случилось, ни язв, ни безумия.

– А с кем-то случилось?

– Может да, а может и нет. Знаешь же, как про это рассказывают – «вот у моего троюродного брата кума знала одного парня из соседней деревни, так вот его прабабка, мир ее праху, собирала на берегу стекляшки и делала из них бусы. Каждый, кто такие бусы носил, сначала окосел на один глаз, а потом у него дырка в брюхе образовалась, через которую все кишки видно и еда вываливается». Вот что из этого может быть правдой?

– А ты видел эти стекляшки, Корбл? – Крамм, сначала не проявлявший к этому повороту беседы интереса, тоже включился в разговор.

– Конечно, видел, их все видели. Синие и зеленые, как осколки бутылок, только толще и формы такой... замысловатой, – Корбл сплел пальцы, пытаясь, видимо, изобразить, какой именно формы были стекляшки.

Шпатц почувствовал досаду. Вот перед ним сидел человек, который не просто не сомневался в реальности разрушенного города где-то далеко во льдах, он даже держал в руках его кусочки. Только вот каждую фразу из него приходилось вытягивать чуть ли не клещами.

– А что еще говорили про этот город, Корбл? – нетерпеливо постукивая кружкой по столу спросил Крамм. – Ты никогда не рассказывал мне о своем детстве!

– Ой, да было бы что там рассказывать! Просто байки от скуки сочиняли. Что есть развалины, в которых живут не то призраки, не то чудища. В одних сказках кто-то туда ходил и что-то принес, а кто-то рассказывал наоборот, что сгинули там все, а кто не умер, тот обезумел. Васа, ты не представляешь жизнь в тех краях. Это у нас здесь газеты, радио, пивные с праздными сплетниками и кумушки у фонтана. А там ничего этого нет. А ночь три месяца длится. Вот и чесали языки обо что не лень.

– Но город там есть?

– Ну, есть. Откуда-то же приносило все эти штуки. На камни не похоже...

– Покажешь коготь?

– Не жалеешь ты меня, Васа! – Корбл покряхтел, поднялся и удалился за стойку.

– Интересные дела, герр Шпатц! – Крамм подмигнул. – Простые рыбаки не сомневались в том, что развалины существуют. Вот у кого надо было спрашивать!

– Странно другое, герр Крамм. Я в первый раз слышу истории о том, что море приносит опасные вещи. Столица Сеймсвилля не на море, но, насколько я знаю, для жителей южного побережья собирать находки после шторма было неплохим подспорьем. И детей от берега никто не отгонял, наоборот.

– Вот, смотрите, раз уговорили, – Корбл положил на стол шило с полупрозрачной коричневой рукояткой с черными прожилками. Шпатц осторожно погладил поверхность. Действительно больше всего это напоминало коготь – теплое и как будто упругое на ощупь. Длинной чуть меньше ладони. Крамм взял шило в руку.

– Что за животное могло иметь такие когти?

– Не хотел бы я с ним встречаться, если оно существует, – Корбл усмехнулся. – Про животных ничего не говорили. Чудища в наших сказках были какие-то абстрактные, говоря ученым языком.

– А как выглядели бляшки? – Шпатц потрогал свои пальцы в том месте, которым касался «когтя». – И черепки?

– Бляшки круглые и черные. Бывали с узором из точек, бывали без. Те, что с узором, теплые даже в ледяной воде. Черепки как будто обычные части горшка. С одной стороны блестящие, с другой – шершавые. Если черепок был с белым узором, то узор светился по ночам.

– То есть, сказки сказками, но все эти штуки ты видел своими глазами?

– Васа, когда ты был мальчишкой, ты во всем слушался родителей? – Корбл снова тяжело опустился на свой стул. – Чем больше нам запрещали ходить на берег после шторма, тем чаще мы туда ходили. Под страхом порки. Считалось геройством насобирать как можно больше запрещенных вещей. У нас у каждого был свой тайник, где мы находки прятали. И найти чужой считалось большой удачей.

Шпатц свернул на знакомую Тульпенштрассе. От выпитого пива в голове все еще слегка шумело. До вечера было еще далеко, но по воскресеньям прохожих в любое время много, исключая, пожалуй, раннее утро. Он кивнул, здороваясь, герру Вурзелю, тот улыбнулся и приподнял фуражку. Шпатц свернул в хорошо знакомую подворотню.

– Шпатц, как хорошо, что ты пришел! – Лейзе открыла дверь сразу, словно ждала его. – Я хотела завтра дойти до почты и позвонить к тебе в контору.

– Что-то случилось? – Шпатц вошел в знакомую квартиру. Клод спала, свернувшись в клубочек и накрывшись шерстяным пледом.

– К нам приходил человек, который расспрашивал о тебе, – Лейзе плотнее запахнула халат, словно замерзла, и наморщила лоб.

– Вот как? – Шпатц замер, так и не расстегнув портфель. Он собирался попросить Лейзе зашить ему рубашку, но ее новость несколько озадачила. – И что же он спрашивал?

– Разное. Как мы познакомились? Какое впечатление ты производишь со стороны? Не замечала ли я у тебя нехороших привычек?

– И что ты ответила?

– Правду, – Лейзе замялась. – Ну, почти. Не стала рассказывать, что я собиралась заманить тебя в темный переулок, где тебя бы по-быстрому ограбили и бросили.

– Даже не знаю, кто может проявлять ко мне интерес, – Шпатц прошел в комнату, сел за стол и подумал о записке, полученной накануне.

– Он спрашивал мой адрес?

– Он его знал и без меня, – Лейзе устроилась на стуле напротив и поджала ноги под себя. – Он не показался мне опасным или замышляющим что-то плохое. Просто... Даже не знаю, как объяснить, но это точно не полицей.

– Я не совершил ни единого преступления, полицей для меня никак не может быть угрозой, – Шпатц подмигнул. – Ты считаешь, что можно и встретиться?

– Прости, не так выразилась. Но, думаю, ты понял. В общем...

– А как его звали? Он представился?

– Сейчас, – Лейзе вскочила и принялась ворошить бумаги и карточки на тумбочке возле входной двери. – Он оставил карточку. Вот, держи.

Руди Рикерт

Конфиденциальный представитель

Анвальт-бюро «Фестихкайт»

Пелльниц, Вейсланд

– Анвальт-бюро – это что-то вроде юридической конторы? – спросил Шпатц.

– Вроде того, но не совсем. Там нанимают людей, которые действуют вместо тебя или в твоих интересах. Обычно это делают аристократы, которым нужно вести дела в неблагоприятных местах. Чтобы не подвергать себя опасности или что-то вроде.

– Это ищейки вервантов, – Клод приподнялась на кровати. – Или цепные псы, как повелит. Анвальт-бюро всегда фамильные, они всегда работают только на одну семью. И делают за них всю грязную работу, чтобы их руки всегда оставались чистыми.

– Я думал ты спишь, милая, – Шпатц встал, прошел через комнату и обнял Клод. Она сонно чмокнула его в щеку. – А какой семье принадлежит «Фестигхайт»?

– Не знаю точно, но раз он из Пелльница, то либо Фогельзангам, либо Карлхоффенам, – Клод спустила ноги с кровати и потянулась. – О, смотри-ка, как загорелись твои глаза при упоминании Фогельзангов, герр Шпатц! Хочешь поработать двойником их наследника, пока он порхает где-то надо льдами?

Шпатц засмеялся. Он никогда не обсуждал с девушками свою семейную историю, а в ответ на замечания о портретном сходстве неопределенно пожимал плечами. Не то, чтобы он не доверял Клод или Лейзе, но вот публике, с которой им по роду занятий приходилось иметь дело – определенно, да. И теперь карточка Руби Рикерта жгла ему руку.

– Представления не имею, зачем я ему понадобился, – Шпатц покрутил в руках кусочек картона. – Но страшно любопытно! Дамы, давайте поступим так. Я оставлю вам бутылочку игристого и шоколад, которые захватил с собой, и схожу в почтовое отделение, к телефону. Позвоню этому конфиденциальному представителю и вернусь.

Шпатц торопливо покинул квартиру Клод и Лейзе, напрочь забыв про испорченную рубашку. Вышел на улицу и остановился. С одной стороны, ему очень хотелось поскорее встретиться с этим Рикертом, чтобы узнать, что ему нужно. Он много раз думал о том, что надо выйти на связь со своими родственниками, но каждый раз откладывал на когда-нибудь потом. Когда будет готов. Не сегодня. Готов ли он сейчас?

– Герр Грессель? – Шпатц поднял глаза от стоявшей перед ним кружки черного пива. Человек был невысоким и невыразительным. Одет в серый костюм и серый плащ. Черты лица нейтральные. Шляпа идеально-невыразительной формы. Из выдающегося – только глаза. Глубоко посаженные, подвижные и с очень цепким взглядом.

– Герр Рикерт? – Шпатц привстал и протянул руку. Собеседник улыбнулся, вежливо кивнул, принял рукопожатие и устроился на стуле напротив Шпатца. – Рад знакомству.

– Взаимно, – Рикерт положил портфель на колени и извлек черную кожаную папку. Движения его были быстрые, но не суетливые. – Давайте сразу внесем ясность. Семья Рикерт представляет семью Фогельзанг уже больше трехсот лет. Вот мои документы, аусвайс и доверенные листы. Я хочу, чтобы вы ознакомились с ними, прежде, чем мы начнем наш разговор.

Рикерт подвинул папку к Шпатцу, тот машинально ее открыл. На непрофессиональный взгляд Шпатца все было более, чем в порядке – бланки с гербами и внушительными печатями. Все шесть доверенных листов были подписаны Дедриком штамм Фогельзангом. Пока Шпатц был занят изучением бумаг, Рикерт поднялся, подошел к стойке и пошептался с Волдо. Тот невозмутимо принял заказ и наполнил кружку легким пшеничным пивом.

– «Действует от имени и по поручению Дедрика штамм Фогельзанга», – прочел Шпатц вслух. – Я не специалист, так что даже если ваши документы и поддельные, то уличить вас в этом я не смогу. Так какое ко мне дело у вашего нанимателя, герр Рикерт?

– Мне странно слышать от вас этот вопрос, герр Грессель, – внимательный взгляд серых глаз Рикерта уставился прямо в лицо Шпатца. – Давайте рассмотрим нашу ситуацию. Около

четырёх месяцев назад вы пересекли границу Шварцланда, указав в причине просьбы о гражданстве имя вашей матери – Катрин-Пфальц-Блум штамм Фогельзанг, которая долгие годы считалась погибшей. Информацию об этом, конечно же, с некоторым опозданием, но донесли официальным путем до семьи Фогельзанг. Однако, от вас не поступило ни единой весточки. Уже несколько месяцев вы здесь живете, занимаетесь своими делами, устраиваете свою жизнь, но не сочли нужным сообщить о себе и судьбе своей матери ближайшим кровным родственникам. Это выглядит более чем подозрительно, не находите, герр Грессель?

– Хм... Я не думал об этом в таком ключе, – Шпатц смутился.

– Вы согласны, что с нашей стороны ваше поведение выглядит достаточно странно? – Рикерт не отрывал взгляда от лица Шпатца, чем смутил его еще больше.

– Я не хотел претендовать ни на наследство, ни на какие-то прочие привилегии, герр Рикерт, поэтому не считал необходимым...

– Не переживайте, герр Грессель, я уже навел о вас справки и отправил первый отчет о том, что угрозы вы не представляете. Ваш инспектор по контролю, герр Хирш пакт Боденгаузен, отзывался о вас как об исключительно порядочном молодом человеке.

– Рад слышать, герр Рикерт, – но менее тревожно Шпатцу не стало. Как-то не так он себе представлял знакомство с родственниками. Впрочем, с одним из родственников – Адлером – он был уже знаком, а Рикерт все-таки не носил фамилию Фогельзанг... – Раз никаких сомнений в моей добропорядочности не осталось, может нам и нет смысла продолжать беседу?

– Отнюдь, герр Грессель, – лицо Рикерта не выражало никаких эмоций. – Наше знакомство только началось. Хотите вы того или нет, но вы Фогельзанг и по рождению, и по индексу идеала. Как бы вы ни пытались уйти от обязательств, накладываемых этим фактом, однажды вам все равно придется это признать. И мы... На всякий случай, если вы не знакомы с терминологией моих документов, когда я говорю «мы», я имею в виду семью Фогельзанг, а не свою собственную волю и желание. Так вот, мы бы хотели, чтобы это происходило при нашем непосредственном участии. Для этого меня и отправили в Билегебен, герр Грессель.

– И как все это будет... эээ... происходить? – Шпатцу хотелось отхлебнуть пива из своей кружки, но под цепким взглядом Рикерта он не решался.

– Я уполномочен отвечать на ваши вопросы и задавать свои, герр Грессель.

– И я обязан буду на них отвечать?

– Я бы не был так категоричен в формулировках, вы можете отказаться обсуждать какие-то темы. Но прежде всего, давать правдивые ответы – это в ваших интересах. Вы не на допросе, а ваша семья вам не враги.

– Дедрик штамм Фогельзанг, кто это? – помолчав, спросил Шпатц.

– Самый старший из Фогельзангов на настоящий момент, – быстро ответил Рикерт. – Он управляет экономическими делами семьи и приходится Хагану штамм Фогельзангу родным дядей. Он сын сестры его отца. Вот его фотопортрет.

С карточки на Шпатца смотрел суровым взглядом пожилой мужчина с узким длинным лицом. Семейные черты Фогельзангов почти не угадывались, но были заметны.

– Я довольно мало знаю о членах семьи, герр Рикерт, – Шпатц отложил фотопортрет. – Ничего, если я спрошу, сколько всего человек сейчас носит фамилию Фогельзанг?

– Это очень уместный вопрос, и я готов на него ответить, – из портфеля на стол перекочевал небольшой фотоальбом. – Это Хаган штамм Фогельзанг, глава семьи, министр образования и воспитания Вейсланда и Шварцланда, – Шпатц уже видел его портреты. Старший Фогельзанг был очень похож на своего сына, но был более хрупким и носил очки. – Это Бригит штамм Фогельзанг, его младшая сестра, – ее можно было бы назвать красивой, если бы не тяжелый подбородок и тонкие губы. А в остальном она имела такие же идеальные черты, как и остальные Фогельзанги. – Она замужем, из трех ее детей по индексу идеала фамилию Фогельзанг носит только один – Сигард, – молодой человек с надменным лицом. – Адлер штамм

Фогельзанг, наследник и герой. Барбел штamm Фогельзанг, его сестра. Она совсем недавно закончила гимназию и еще не определилась с родом занятий, – вот эта девушка была настоящей красавицей, с гордой посадкой головы и роскошными светлыми волосами.

– И это все? Я считал, что родственников много больше... – Шпатц перелистнул страницу альбома, но больше фотокарточек не было.

– Многие погибли еще до войны, герр Грессель. В катастрофе на люфтваффеле. До недавнего времени считалось, что ваша мать погибла там же.

– В записке вы писали, что можете рассказать о моей матери, герр Рикерт.

– Видите ли, герр Грессель, – Рикерт опустил, наконец, свои слишком внимательные глаза. – Ваше появление оказалось для семьи большим сюрпризом, ведь мы считали, что она мертва. Я могу вам рассказать, какой лично я ее помню, я был подростком, но мы довольно много общались. Но пролить свет на обстоятельства ее исчезновения, боюсь, я пока не смогу. Хаган штamm Фогельзанг инициировал возобновление следствия по тому крушению, которое было признано несчастным случаем по причине неопытности пилота и плохих погодных условий.

Рикерт плел уклончивые словесные кружева, а Шпатц внимательно разглядывал его лицо. Доверяет ли он этому человеку? Его документы в полном порядке, во всяком случае на первый взгляд. А еще он чувствовал разочарование. Потому что при всей внушительности печатей на бумагах и высочайшем доверии, на вопрос о Блум штamm Фогельзанг он отвечал увильвающим канцеляритом.

– Вы мне не верите? – Рикерт прервался на полуслове, и взгляд его снова вцепился в лицо Шпатца.

– Честно сказать, не знаю, герр Рикерт, – Шпатц пожал плечами и с грустью посмотрел на свою кружку. – Я не привык считать себя важной персоной...

– Меж тем, это так и есть, герр Грессель, – Рикерт подался вперед.

– Я постараюсь смириться с этой мыслью. Однако вы все еще не озвучили цель вашего пребывания здесь, герр Рикерт. Вы должны забрать меня и увезти в семейное гнездо? Но я еще два месяца не имею права покидать Билегебен...

– Ни в коем случае, герр Грессель! – воскликнул Рикерт. – Разумеется, при нашем влиянии и богатстве, мы можем закрыть глаза на бюрократические условности и доставить вас в Вейсланд прямо сейчас, но Хаган штamm Фогельзанг очень щепетилен в таких вопросах. Нет, герр Грессель. Меня прислали сюда, чтобы я во-первых, навел о вас справки, а во-вторых, если потребуется, проследил за тем, чтобы с вами в эти пару месяцев ничего не случилось.

«Интересные дела, – подумал Шпатц. – Похоже, что он не знает про ранение. И про знакомство с Адлером. То есть, наследник не доложил родственникам обо мне...»

– Герр Рикерт, вы же знаете, что моя мать была убита, а не просто умерла от воспаления легких?

– Мы... подозреваем об этом, герр Грессель, – Рикерт кивнул. – Следствие затрудняется тем, что вести его приходится на территории другого государства, но мы уже близки к разгадке.

– Давайте допустим, что два месяца позади, и я могу уехать из Билегебена куда угодно, – сказал Шпатц. – Какие действия требуются от меня, чтобы получить фамилию Фогельзанг?

– Формальности, герр Грессель, одни только сплошные формальности, – Рикерт весело улыбнулся. – Поскольку ваш индекс идеала не оставляет никаких сомнений в вашем происхождении, замена документов будет чрезвычайно простой.

– А материальная сторона вопроса? – Шпатц опустил взгляд. – Я не собирался поднимать эту тему, но не пострадает ли кто-нибудь от моего появления?

– Как только вы будете приняты в семью, то, как и все прочие, получите доступ к доверительному фонду. Никто из членов семьи Фогельзанг никогда не нуждался в деньгах. Но кроме приятных сторон вопроса, есть и обязанности, для которых вам понадобятся некоторые уси-

лия. Вы должны будете изучить и усвоить все правила аристократического и дипломатического этикетов, запомнить генеалогические древа пятидесяти трех вервантских родов Вейсланда, отслужить на одной из военных или гражданских должностей не менее трех лет, присутствовать на четырех фамильных мероприятиях Фогельзангах и не менее, чем восьми званых обедах других фамилий в год. И это не все, герр Грессель. Еще ряд вещей, связанных с управлением территориями, принадлежащими семье Фогельзанг...

– Я подозревал что-то подобное, когда откладывал мысли выйти на связь с семьей, герр Рикерт, – Шпатц принужденно засмеялся.

– Вам некуда торопиться, герр Грессель. Я здесь прежде всего, чтобы помочь вам освоиться со всеми этими премудростями и ввести вас в курс светской жизни.

Шпатц на мгновение представил себя в блистательном мундире посреди бальной залы в окружении холеных светских красавиц. Выпрямил спину и попытался вспомнить, каким правилам этикета учила его мать. Ее школу танцев стареющие светские львицы оценили по достоинству...

– Пока я не усвою информацию во всех нюансах, Фогельзанги просто не покажут меня светской публике, чтобы не испортить свою репутацию? – Шпатц подвигал кружку, следя за волнами на черной поверхности пива.

– Уверен, вам это все не составит никакого труда, герр Грессель.

– Как будет выглядеть наше с вами... гм... сотрудничество?

– Мы назначим день в неделю, когда будем встречаться в каком-нибудь более светлом месте, чем это. Нет-нет, герр Грессель, у меня нет никаких претензий к Фрау Вигберг, просто здесь почти невозможно читать! Мы будем беседовать о тех или иных вопросах. Если вам вдруг потребуется финансовая помощь, то вам достаточно всего лишь позвонить мне и сообщить, на какие цели и какая сумма вам требуется. Может быть, вы прямо сейчас нуждаетесь в деньгах, герр Грессель?

– Благодарю, герр Рикерт, но нет. Я зарабатываю достаточно.

– В таком случае, позволю себе оставить вас наедине с вашими мыслями и кружкой пива, герр Грессель, – Рикерт поднялся, вежливо кивнул, приподняв шляпу и направился к выходу. Быстро, но не суетливо. Оставив на столе полную кружку белого пшеничного пива совершенно нетронутой.

Шпатц наконец-то сделал большой глоток черного пива и вздохнул. Ему чем-то не нравился этот разговор. Вроде бы, все было в порядке, очень логично и последовательно. Рикерт производил впечатление человека в себе уверенного и знающего. Но все равно Шпатц был недоволен. Правда, скорее своим собственным поведением. У него не нашлось подходящих умных вопросов для этой беседы, и, кажется, он произвел на конфиденциального представителя Фогельзангов довольно посредственное впечатление. Он даже почувствовал щекочущее ощущение на лбу, будто кто-то приклеил на него бумажку с надписью «необразованный меркантильный иностранец».

– Волдо, можно повторить пиво? – сказал Шпатц, чтобы отвлечься от увлекательного занятия – поиска своих промахов и недостатков. – И мясо, если можно.

– Конечно, герр Грессель, – Волдо как всегда ослепительно улыбнулся. – Надеюсь, вы не ждете еще какую-нибудь даму?

– О нет, Волдо, общение с полицией у меня на сегодня не запланировано! – Шпатц засмеялся вслед за барменом. – Я собираюсь поужинать и отправиться домой. Завтра мне предстоит тяжелый день.

– Один момент, герр Грессель.

Шпатц успел запрыгнуть в последний ластваген до Альтштадта, устроился на заднем сидении и бездумно уставился в окно. Ему нравилось смотреть на Билегебен. Даже в тех местах, где стояли ремонтные ограждения или дома были укрыты за строительными лесами.

Здания и дороги здесь ремонтировали до того, как они начинали ветшать, может быть поэтому город смотрелся таким... идеальным?

На повороте с Мейнштрассе мужчина в черной пиджачной паре и лицом уставшего клерка вечерней смены вежливо приподнял шляпу, встал и направился к выходу. На том месте, где он сидел, осталась лежать газета. Шпатц машинально протянул руку и развернул листок с незнакомым названием «Блитц».

«Нужна ли нам новая война?!» – гласил заголовок на первой полосе. Шпатц пробежался глазами по тексту. Стиль был совершенно нетипичным для шварцландских газет – эмоциональный, с множеством восклицательных знаков и патетических вопросов. Однако главную свою мысль автор донести сумел, невзирая на отсутствие чеканного слога – кайзер уже стар, и новая война, к которой он готовится – это очень большая ошибка, которая может привести Вейсланд и Шварцланд к множеству непоправимых последствий. Вперемешку с живописаниями ужасов для мирного населения, нагрузки на промышленность и статистикой жертв прошлой войны, автор приводил тревожащие его доказательства, что потенциальный противник гораздо лучше готов к войне, чем представляется рядовым жителям.

Шпатц нахмурился и заглянул на последнюю страницу. Вся пресса Шварцланда проходила довольно жесткую цензуру, и такой газеты просто не могло существовать в природе. В выходных данных не было ни имени, ни адреса. Читателям предлагалось направлять свои письма в тринадцатое почтовое отделение Билегебена, абонентский ящик номер 76.

Шпатц задумчиво перелистнул страницу. Статья на центральном развороте была посвящена экспедиции Адлера штамм Фогельзанга. Автор этого материала обладал очень злым и язвительным слогом. Он по абзацам разбирал официальную информационную статью из «Билегебен Цайтунг» о заявленных целях и задачах этой «с позволения сказать „научной“ экспедиции».

Автор, спрятавшийся под псевдонимом Г. Шварц, кратко и емко описал каждого из семнадцати членов экспедиции. Опальный доктор, три проштрафившихся офицера, безымянные физик и метеоролог, и так далее... По его словам выходило, что ни один из участников экспедиции не был настоящим и компетентным специалистом. И что вся эта мишура и помпа, которой сопровождалась проводы люфтшиффа в суровые полярные края – не более, чем ширма, которой прикрывается что-то другое. Гораздо более важное.

В первую очередь автора интересовало содержимое трюмов. Кратко проанализировав технические характеристики «Кальтесхерца» он пришел к выводу, что заявленная грузоподъемность занижена как минимум на семь с половиной тонн. Шпатц пробежал глазами расчеты и выкладки и пожал плечами. Ему не хотелось сейчас вникать в такие детали, возможно, автор и был в чем-то прав.

Затем герр Шварц сослался на неназываемый источник, и сообщил, что кроме кают для экипажа, в гондоле полярного люфтшиффа Фогельзанга были оборудованы некомфортабельные жилые отсеки, рассчитанные на более, чем две сотни человек. В отличие от автора, Шпатц знал, по чьему проекту это было сделано, и кем именно заселили тесные жилые отсеки. Однако автор сделал другой вывод – что люди и оборудование предназначено для строительства тайной полярной базы на одном из безжизненных островов северного архипелага.

«Зачем нам база в водах, которые официально принадлежат Сеймсвиллю?» – спрашивает автор.

Шпатц хмыкнул, бросил читать и принялся разглядывать иллюстрации, больше похожие на карикатуры. Адлер штамм Фогельзанг, машущий рукой публике с мостика люфтшиффа. Сверху на нем роскошный мундир, а снизу – детские штанишки до колен, которые не видно из-за парашюта. Доктор Ледебур, с крайне кровожадным выражением на детском лице, с вилкой и ножом над пациентом на операционном столе. Трех других героев экспедиции Шпатц не

знал. Они сидели за столом и выпивали, а за каждым из них стояла туманная тень в парадной фуражке Комерада кайзера.

Шпатц присмотрелся внимательнее. Ему показалось, что рука художника, рисовавшего эти иллюстрации, была ему знакома. Что он уже видел картинки в той же манере. Стопроцентной уверенности не было, но... Редакция этой газеты наняла Флинка? Надо будет спросить у него, что это за «Блитц», и как подобная пресса вообще просочилась к читателям, несмотря на железную хватку информационной цензуры.

Ластваген остановился, последние пассажиры потянулись к выходу, и только тут Шпатц сообразил, что увлекшись чтением забытой незнакомцем газеты, он проехал свою остановку. Теперь придется минут двадцать идти пешком. Шпатц свернул листок в несколько раз, сунул в портфель и тоже поспешил к выходу.

Наиболее короткий путь пролегал по пользующейся недоброй славой Фризорштрассе. Когда Билегебен еще был столицей Аанерсграсса, в этом месте находился квартал парикмахерских. Практичные вейсладнцы отнеслись к подобному объединению с недоумением – какой смысл помещать заведения такого типа на одной улице? Ведь получается, что для того, чтобы побриться или сделать стрижку, нужно было идти через весь город. Однако, отнеслись к традиции с пониманием и сохранили привычный для бывших аанерсграссцев уклад. До тех пор, пока не выяснили, что ни одного настоящего парикмахера на этой улице не было. Под видом салонов модных причесок скрывались нелегальные распивочные, доктора, лишённые практики, игорные дома и бордели, не получившие разрешения на деятельность, и прочие криминальные местечки. А дело было в том, что получить лицензию парикмахера было чрезвычайно легко – заплатил мизерную пошлину, и можешь вешать над своим заведением вывеску с названием любой степени поэтичности. А дальше – как повезет.

Этот криминальный уголок Аанерсграсса в царстве порядка Билегебена существовал довольно долго – после войны продержался лет десять. До появления первого трупа. Женщину, практически порезанную на куски, нашли неподалеку от того места, где Шпатц вышел из Ластвагена. Началось громкое следствие, и тихий преступный заповедник начало лихорадить – пристальное внимание полиции никому из владельцев и сотрудников «парикмахерских» не было на пользу. Потом появился второй труп, а вслед за ним – третий. Картина та же – молодую женщину страшно уродовали при помощи некоего острого предмета и бросали ее труп неподалеку.

Полиция из всех сил старалась, но убийцу найти не могли. Зато выяснили, что все девушки работали на Фризорштрассе и были, как несложно догадаться, проститутками. Обнаружив такое разнообразие нелегальных занятий, прикрывающихся вывесками салонов причесок, полиция почти забросила поиск убийцы и принялась наводить порядок. Дальше началась настоящая война с баррикадами и стрельбой, в результате которой все до одной парикмахерские были разоблачены, хозяева и сотрудники отправлены в тюрьмы, арбейтсхаузы и психиатрические приюты, а требования к получению лицензии парикмахера с тех пор ужесточены до почти нереальных.

Когда боевые действия закончились, и на Фризорштрассе воцарился мир и порядок, убийца сдался сам. Им оказался пожилой оберфельдфебель в отставке, который таким образом пытался привлечь внимание властей к так называемому «парикмахерскому кварталу». Здесь ему предложили девочку, мальчика, наркотики, выпивку и еще массу всего, включая наемное убийство, но ни в одном из заведений ему так и не удалось сделать стрижку.

С тех пор прошло много лет, эту историю билегебенцы любят рассказывать при любом удобном случае, Шпатц, например, слышал ее как минимум трижды – в виде анекдота, поучительной притчи и мрачной городской легенды. И все, кроме Крамма, сообщили, что с тех пор эта улица образцового порядка. Крамм же, в своей ироничной манере заметил: «Если не счи-

тать, что все заведения на ней теперь принадлежат в той или иной мере одному человеку – Хаппенгабену».

Шпатц остановился возле фонаря на углу. Интересно, почему с личностями вроде Хаппенгабена ничего нельзя сделать? Если всем известно, кто он и чем занимается, почему нельзя его просто вывести на плац и расстрелять? Обычно правосудие в Шварцланде было быстрым и эффективным, но все равно находятся люди, изворотливости мозга которых хватает на то, чтобы жить поперек закона. Держать при себе цепного виссена и торговать людьми. Создавать подвальные производства поддельных лекарств. И при этом подписывать документы собственным именем и владеть множеством заведений с легальными лицензиями. И сейчас Шпатц размышляет, не пойти ли ему в обход только лишь потому, что большинство вывесок на короткой дороге принадлежат этому самому человеку. Проклятье!

Шпатц выпрямил спину и решительно зашагал прямо. В конце концов, если вдруг Хаппенгабену с его прирученным Вологолаком захочется снова его поймать и привязать к столу, то им ничего не помешает выследить его и на любой другой улице. Здесь же, на Фрезорштрассе, он просто один из немногочисленных прохожих. Просто человек в плаще и шляпе. У которого был долгий утомительный день, а завтра предстоит день еще более утомительный. Шпатц коснулся пальцами чуть поджившего кровоподтека на скуле. Сломанное ребро снова заныло. Думать про еще один рабочий день на люфтшиффбау не хотелось, поэтому он начал внимательно смотреть по сторонам. Улица ничем не отличалась от любой другой в Билегебене. Фундаменты и первые этажи домов старые, с низкими полукруглыми арками, декорированными грубыми камнями и гранитными полуколоннами, верхние этажи – простые утилитарные коробки с рядами квадратных окон. Кирпичные или каменные. Дома, как и большинство в этой части города, невысокие, по четыре-пять этажей. Мусора на брусчатке нет, светильники над большинством заведений уже не горят – чтобы получить разрешение на работу в столь поздний час в воскресенье требовалось заплатить немалую пошлину. По иронии, ни над одним заведением не было ни одного знака парикмахерской.

Глава 4

Du bist das Schiff ich der Kapitän

Wohin soll denn die Reise gehen

Ich seh im Spiegel dein Gesicht

Du liebst mich denn ich lieb dich nicht

(Ты – корабль, я – капитан.

Куда же мы должны направиться?

Я вижу в зеркале твоё лицо,

Ты любишь меня, потому что я не люблю тебя)

Ich tu dir weh – Rammstein

– Эй ты, Грессель, иди сюда! – Шпатц мысленно скривился, услышав этот голос. Надо же, тот тип в кепочке на сальных волосах запомнил имя.

– Ну? – Шпатц остановился в метре от той части длинного стола, где сидела компания работяг во главе с человеком, фотографию которого Крамм пару дней назад ему показывал. Полди Мюффлинг. Да, похоже, что грязноволосый задира действительно его брат. Когда они сидели рядом, сходство еще больше бросалось в глаза. Низкий лоб, форма надбровных дуг и некоторая лопухость.

– Грессель, ты извини за прошлый раз, мы старались бить аккуратно, – задира осклабился, обнажив желтые зубы. Шпатц промолчал. – Брат, это нормальный парень, отвечаю. Мог пожаловаться, но не стал. Наш человек, хоть и белоручка, уважаю!

– Помолчи, Трогот, многовато болтаешь, – когда заговорил Полди, остальные замолчали. – Ты присаживайся, Грессель, давай поговорим. По виду ты должен быть клерком или бухгалтером. Как ты сюда попал?

– Жизнь так сложилась, – буркнул Шпатц. «Не торопись излагать подробности придуманной биографии, герр Шпатц, – говорил ему Крамм. – Если ты сразу же начнешь вываливать имена и обстоятельства, это не сделает публику доверчивее, зато убедит ее в том, что ты лжешь».

– Ладно, – примирительно кивнул Полди. – Не хочешь – не говори. Я Полди Мюффлинг.

– Приятно познакомиться, герр Мюффлинг.

– Оставь это «герр» для других белоручек, Грессель. Зови меня Мюффлинг или просто Мюфф.

– Договорились, Мюфф.

– Присаживайся с нами, есть разговор, – Полди подвинулся и хлопнул ладонью по скамейке рядом с собой. Шпатц поставил на стол миску густой похлебки, которую все еще держал в руках и сел. – Значит так, Грессель. Ты уже понял, что работа наша – не сахар и не мед, ведь так?

– Я и не сомневался, – Шпатц опустил ложку в тарелку. С одной стороны, есть во время разговора, когда остальные не едят, невежливо, с другой – вряд ли правила этикета распространялись на работяг низшего звена.

– А последнее время требовать стали все больше и больше, – заговорил еще один парень, здоровенный, но в лице его также угадывались фамильные черты Мюффлингов. – Работы больше, рабочих меньше, ннда.

– Помолчи, Бруно, – Полди зыркнул на брата. – Много работы нас не пугает, мы не белоручки. Мы работать любим и умеем. Верно я говорю, парни?

Парни загалдели, выражая одобрение.

– А вот что мы не любим, так это когда нас принимают за бессловесный скот! – Полди повысил голос, все замолчали. – Грессель, что ты будешь делать, когда в конце недели вместо жалования тебе дадут кукиш?

– Хм, не знаю, ге... Мюфф. А такое возможно?

– Эээ, брат, да ты совсем как теленок новорожденный! – Полди похлопал его по плечу. – Начальству же надо что? Чтобы мы работали больше, а просили меньше. А это несправедливость!

Шпатц начал скучать. Он подавил свое желание раздраженно попросить переходить к сути вопроса, вместо этого зачерпнул ложкой похлебки, откусил от краюхи хлеба и принялся жевать.

– В общем, Грессель, решай, ты или с нами, или сам по себе, – Мюфф снова хлопнул ладонью, теперь уже по столу. Кажется, что в тексте его речи был еще один абзац, который он либо забыл, либо сознательно решил пропустить.

– Я правильно понимаю, что вы... ты предлагаешь мне присоединиться к вашему союзу?

– Да, точно! К союзу.

– И чем наш союз занимается?

– Защищает права рабочих, конечно! Что же ты глупый такой, а еще белоручка! Ты пойми, что ежели ты будешь сам по себе, а начальство тебе не заплатит, то сделать ты с этим ничего не сможешь. А ежели будешь с нами, то мы тебя защитим от такого произвола.

– Звучит отлично, герр... То есть, Мюфф. Надо что-то подписать, чтобы вступить?

Работяги засмеялись.

– Никаких подписей! Ежели хочешь, правда хочешь вступить, тебе придется доказать это.

Шпатц открыл рот, чтобы возразить, что сам он не изъявлял такого желания, братья Мюффлинги первые его позвали, но вовремя передумал. Во-первых, сломанное ребро все еще болело, а во-вторых – ему и правда нужно было попасть в этот профсоюз.

– И что же мне нужно сделать? Дать клятву?

– Не торопись, не время еще! Клятву – это само собой, а потом мы тебе придумаем задание. Чтобы проверить, по-настоящему ли ты перестал быть белоручкой, или сбежишь при первом удобном случае.

Шпатц кивнул и снова принялся за еду. Ударил колокол. Между столами прошел невысокий улыбчивый мужчина в светло-сером костюме. Он пожимал протянутые руки и кивал, стараясь, кажется, поприветствовать каждого из работников семнадцатого эллинга.

– Хорошего всем дня, мои дорогие! – сказал он, взобравшись на невысокий табурет. – Я рад видеть среди вас новые лица, которые меня еще не знают. Я Апсель Штойбен, тот самый человек, кто о вас заботится! – раздались редкие аплодисменты. Очевидно, что кругленького герра Штойбена работяги если не любили, то по крайней мере были рады видеть. – Я к вам с замечательной новостью. Мы приняли решение учредить на нашем люфтшиффбау собственное отделение фолксриг. Вижу ваше разочарование, мои дорогие, но это не все. Хотя одно только то, что нам дали разрешение формировать добровольные отряды на своей территории уже дорогого стоит, разве нет? Ладно! Ладно! Не буду долго тянуть. Каждый, кто запишется в отряд, во-первых получает надбавку к жалованию, – Штойбен сделал паузу на радостные выкрики, затем продолжил. – Кроме того, все строевые и боевые занятия будут засчитываться за рабочее время. Всем понятно, что это значит?

Шпатцу, в целом, было понятно, поэтому он смотрел на реакцию своих ближайших соседей – братьев Мюффлингов и их компанию. По всей видимости, общей любви к Штойбену они не разделяли. Шпатц склонился к уху Полди и спросил:

– Что это за тип?

– Ответственный за конфеты, – сквозь зубы прошептал старший Мюффлинг. – Так тут заведено – один приходит раздавать сладости, другой – наказания. Но все равно они действуют заодно, хотя и не все это понимают.

– Фолксриг, мои дорогие, это чрезвычайно важно как для нашей страны, так и для нас самих! Эти занятия дадут нам силу и здоровье. А самое главное – уверенность в том, что когда в наш дом ворвется враг, мы сумеем дать ему отпор. Да-да, я вижу на лицах у некоторых иронию! Друзья мои, не мне вам рассказывать, как важно уметь работать вместе. Никто из вас не способен построить люфтшифф в одиночку, это только и исключительно командная работа. Да, я уверен... Да что там! Я убежден, что любой из вас способен справиться с одним-двумя злоумышленниками! А если их будет сто? Или тысяча? Вооот, то-то же! Фолксриг, ребята, это очень важно. Ну и про надбавку к жалованию не забывайте! Жду желающих записаться у второго административного корпуса после смены. А сейчас – отличной и плодотворной работы всем!

Под смешки вперемешку с аплодисментами кругленький Штойбен спустился с табурета и, опять же, кивая и пожимая руки, направился к выходу. Клан Мюффлингов проводил его недобрыми взглядами и недовольным бубнежом. Шпатц то смотрел вслед Штойбену, то разглядывал лица «деятелей профсоюза». Неужели это и есть те самые опасные личности, из-за которых беспокоится высокопоставленный приятель Крамма? Никто из них, даже Полди, не производил впечатление умного и расчетливого интригана, способного переиграть того парня, который только что выступал с табуретки. Шпатц прислушался к разговорам. Расходившиеся по местам рабочие болтали про фолксриг и надбавку с одобрением.

Сам же Штойбен остановился неподалеку от выхода из эллинга, и вокруг него тут же столпилось несколько рабочих.

– Толстый урод, – Трогот Мюффлинг сплюнул сквозь зубы и поправил кепочку на сальных волосах. – На надбавку всех купил.

Шпатцу очень хотелось начать задавать вопросы, чтобы внести некоторую ясность в эту систему. Но он сдерживался. Может, Мюффлинги только казались тупыми, чтобы не выделяться из общей массы работяг? Кроме того, ему не хотелось неосторожным словом испортить едва зародившееся доверие.

– А что ежели нашего новенького испытать? Пусть, например, он Штойбена говном обольет или что-то вроде того? – Бруно уперся в стол внушительными кулаками.

– Хм... – Полди перестал зло сверлить спину активно жестикулирующего Штойбена и перевел взгляд на Шпатца. – Не спеши, Бруно. Это надо сначала обмозговать. И посоветоваться...

Второй рабочий день дался Шпатцу гораздо легче, чем первый. Утром он забирался в ластваген, мысленно содрогаясь. Он даже малодушно собирался сказать больным, закрыться дома и не открывать никому дверь, даже Крамму. Ну что он может разузнать и разведать на люфтшиффбау, таская тачки и набивая на ладонях кровавые мозоли? Пересилил себя. Натянул потертую серую куртку и висящие мешком штаны. Посмотрел на себя в зеркало и пришел к выводу, что с этим нарядом позеленевший по краям синяк на скуле смотрится гармонично и уместно.

Но вопреки опасениям и плохим предчувствиям, Шпатца не стали гонять с места на место. Или Крамм сделал внушение своему приятелю, и тот замолвил за несчастного «засланца» словечко, либо здесь принято в первый день пугать новобранцев тяжелым трудом, либо просто повезло. Шпатца приставили к передвижной вышке, третьим к паре рабочих. Сначала Шпатцу сделалось не по себе, когда он увидел, как высоко поднимается раскладная лестница на колесах, но забираться на нее ему не понадобилось – только катать, нажимать на стопорный рычаг и страховать товарищей, которые затягивали болты на ажурном кружеве скелета будущего люфтшиффа. Не сказать, чтобы работа была очень легкой – вышка только издалека смотрелась воздушной, на деле же диаметр ее колес – чуть выше среднего человеческого роста, а на рычаг приходилось наваливаться всем весом. Но зато было достаточно времени, чтобы осмотреться вокруг и прислушаться к разговорам.

Шпатц с удивлением узнал, что люфтшиффбау было весьма престижным местом среди работяг. Попасть сюда считалось большой удачей. Здесь неплохо платили и неплохо кормили. Правда и требовалось немало. Это за образованных инженеров и гениальных механиков здесь старались держаться, с неквалифицированными работниками никто не церемонился. Опоздал? Не вышел на работу? Заметили бездельничающим? Прощай, работяга, отправляйся снова на биржу или добро пожаловать в арbeitsхауз. Очередь из желающих занять твое место только порадует.

Полди поднялся, вслед за ним остальные Мюффлинги тоже начали вставать из-за стола. Обеденный перерыв был закончен. Вообще-то, явно не все рабочие из окружения Полди были его братьями, но Шпатц про себя решил считать их одной семьей. Он тоже выбрался из-за стола, донес свои миску и ложку до контейнера с грязной посудой и направился обратно к своей лестнице на колесах.

– Эй, Грессель! – Шпатц не успел далеко отойти от стола, когда ему на плечо опустилась рука Трогота. – Со мной пойдешь работать, я договорился.

Улыбка выглядела даже немного дружелюбной. Шпатц пожал плечами и вопросительно глянул в сторону шефа смены, который сегодня занимался распределением работ. Тот энергично кивнул, и Шпатц направился вслед за самым неприятным из всех братьев Мюффлингов, разглядывая жирное пятно у него на кепке.

– Извини за тот раз, брат, – снова повторил Трогот. – Мы всех белоручек так проверяем, кто вас знает, что там в ваших умных головах. Но ты молодец. Не заложил никого.

– Не в моих правилах перекладывать проблемы на начальство, – Шпатц прибавил шаг, поравнявшись со своим неприятным напарником. – Слушай, Трогот, мне просто интересно. А что случилось бы, если бы я пожаловался?

– Ну... – низкие брови Трогота зашевелились. – Сидел бы снова под потолком. Или упал бы оттуда случайно, кто знает?

– И вам бы ничего не было за это?

– А кто узнал бы? – Трогот криво улыбнулся.

В этот момент металл лязгнул о металл, раздался режущий уши визг и короткий крик. Одна из вышек накренилась, лестница вырывалась из паза. Рабочий наверху нелепо замахал руками, нога его соскользнула, и он, цепляясь частями тела о ступени и детали каркаса люфт-шиффа полетел вниз. Раздался мерзкий чавкающий звук, от которого Шпатц почувствовал пустоту в животе. Сначала ему хотелось побежать к тому месту, куда рухнул этот несчастный, оказать какую-нибудь помощь, но он перевел взгляд на ухмыляющееся лицо Трогота и остался на месте.

– Обычное дело, ннда, – Трогот махнул рукой в сторону грузового вагона, въехавшего в эллинг через открытые ворота. – Ему уже не поможешь, вниз головой упал, черепушка всмятку. Идем, что тарашисься, страшно стало?

Шпатц сглотнул и кивнул. Было ли ему страшно? О, да. Уж в этом-то он мог себе честно признаться. В прошлый раз, когда он смотрел на передвижные лестницы-вышки, он как-то не задумывался, что оттуда можно упасть. Высотные рабочие карабкались по ним с кажущейся легкостью, будто никакой пустоты вокруг и под ними не существовало. Будто на самый верх отправляли работать только тех, кто прошел специальное обучение искусству лазать по лестницам. Упавший рабочий тоже был новичком, как и Шпатц. Они перебросились сегодня парой слов в ластагене. Радовался, что получил это место. Планировал купить новую кровать и колечко с сережками жене в подарок... А сейчас его тело лежало неподвижно на полу эллинга, а из-под головы расплывалось поблескивающее пятно, которое очень хотелось считать пролившимся моторным маслом.

Стараясь не смотреть в ту сторону, Шпатц дошел вслед за Троготом до тягача. Выслушал простую инструкцию о том, что: «я, значит, забираюсь, беру за тот конец и толкаю к тебе, а ты принимаешь и опускаешь вниз. Только не бросать, а то погнется или сломается!». Шпатц натянул брезентовые рукавицы.

Во время работы Трогот болтал очень много. Сначала Шпатц пытался поддерживать диалог, задавать наводящие вопросы, высказывать одобрение действиям или еще как-то дать собеседнику знать, что он слушает и понимает сказанное, но довольно быстро сообразил, что этот самый собеседник прекрасно справляется с поддержанием диалога сам по себе.

– Вот как бы ты поступил, ежели какой-то дрищ к твоей жене подкатывает, скажи? А я знаю, как! Я этого дрища в подворотне подкараулил, специально проследил, где он живет. Выскакиваю из темноты и такой: «Здорово, гад! Помнишь меня, помнишь, да?!» Как ты думаешь, что с ним случилось в тот момент, когда я вот так на него напрыгнул?! Да он обосрался, точно тебе говорю! Прямо запашок по всему двору, фууу!

Сначала Шпатцу хотелось приглушить этот фонтан простонародного красноречия. Но потом привык к шумовому фону, кроме того, бесконечная история жизни Трогота отвлекла Шпатца от недавнего происшествия с лестницей. Он даже перестал бросать взгляды в сторону деловито замыкавших кровавое пятно рабочих. Что же касается Трогота и его жизни, то фактов из монолога удалось извлечь не очень много – Трогот не женат, его супруга забеременела от другого, ушла к нему и сейчас они ждут второго малыша. На люфтшиффбау из братьев Трогот устроился самым первым, хотя в этом факте Шпатц сомневался – очень уж таинственным шепотом рассказывал его напарник эту историю.

Когда блестящие тусклым серебром балки закончились, и ваген уехал, Шпатца перехватил здоровенный Бруно.

– Эй, Грецель, ты грамотный же? – он хлопнул Шпатца по плечу своей ладонью-лопатой. Сломанное ребро отозвалось резкой болью.

– Да, Бруно, – Шпатц не решился поправлять здоровяка. Грецель, так Грецель.

– Пойдем со мной, там надо считать и записывать, – он махнул рукой в сторону длинных верстаков. – А то для твоих белых ручек вредно долго таскать тяжелые предметы.

Задачей Бруно было нарезать кусачками металлический тросик на короткие отрезки, а Шпатца – связывать их в пучки по дюжине. В отличие от брата, Бруно болтливым не был, зато был очень любознательным. И очень внимательно слушал. Отвечая на очередной уточняющий вопрос про историю запретной любви с дочкой начальника, которая и привела его, белоручку, в разнорабочие, Шпатцу пришлось напрячь и фантазию, чтобы придумать подробности, и память, чтобы не забыть, что именно он рассказывал. Здоровенный Бруно выглядел простодушным, как армейский ботинок, и настолько искренне сочувствовал, что Шпатцу стало казаться, что именно он, а не Полди, и верховодит всем этим «братством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.